

ЗДЕСЬ ЛЮДИ

Евдокия
Шереметьева

Евдокия Шереметьева

ЗДЕСЬ ЛЮДИ

Дневник

Москва
2018

УДК 82
ББК 84
Ш49

Шереметьева Е.

Ш49 Здесь люди: Дневник. — М.: Прометей, 2018. — 156 с.

ISBN 978-5-907003-46-0

«Война начинается с того, что многие забывают, что здесь люди. Тоже люди». Перед вами дневник о Донбассе 2014 года, каким его увидела автор, волонтер Евдокия Шереметьева. Увидела, рассказала, сфотографировала и собрала рассказы в книгу «Здесь люди». Молодые и старые, сильные и слабые, равнодушные и отважные — разные. И каждый репортаж автора — из хосписа, интерната, разрушенной деревни или города — вынуждает задавать самому себе неудобные вопросы. Не о политике или экономике, а самой человеческой природе.

Евдокия Шереметьева — блогер, молодая писательница из Москвы, выпускница философского факультета МГУ. С 2014 года собирает и возит на Донбасс гуманитарную помощь.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-907003-46-0

© Шереметьева Е., 2018
© Издательство «Прометей», 2018

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
I. Начало	9
Блог	9
Летние письма (переписка с новыми друзьями)	11
Можно попробовать	18
Саша гурзуфский и Лёша	20
Таможня	22
Женя и Лена	24
Вторая поездка	37
Авария	46
II. Помощь	52
Любовь Михайловна и «почему я здесь»	52
Краснодонский интернат	57
8 Марта	65
Сергей Владимирович	68
Родители без детей	77
Война и старость	81
Отец	89
Психоневрологический интернат	97
Беженцы внутри Донбасса	103
III. Репортажи	106
«Грады» в поле	109
Первомайская больница	118
Первомайск	124
Хрящеватое	128
Зачем? За что?	132
Летом на Донбасс	136
Лекарства есть, но их нет	141
Дорога Донбасса	144
Как мы раздаём помощь	146
<i>Заключение</i>	151

Предисловие

Книга писалась зимой 2015–2016 гг. Она была значительно больше по объему, но тогда её номинировали на «Национальный бестселлер», и, чтобы успеть попасть в лонг-лист, пришлось сильно сократить текст. Резала нещадно — удаляла целые сюжетные линии, порой важные и значимые. Но была уверена, что книгу допишу. Написала «резала», но это неправда. Правда в том, что работала с текстом не одна, а помогал мне друг Стёпа, благодаря которому книга и состоялась. Именно часовые разговоры с ним смогли довести все записи под единой чертой. Ну и конечно, благодаря Марии Арбатовой, которая и номинировала рукопись на премию.

Прошло время, и я решила книгу дописать. Стала перечитывать и поняла, что не могу. Не могу ни читать, ни править, ни вообще что-либо делать с ней. Мне не нравится в ней всё от начала до конца, и главное — мне сложно её читать. Передо мной не слова, а то, что произошло. И у меня нет сил проживать это заново.

Сложно обозначить жанр книги. С одной стороны — все события реальны. Как и герои. С другой стороны — это моя

реальность. Моя война. Мой Донбасс. И об объективности тут говорить сложно.

Начинала писать около двух лет назад, и тогда я была другой. И если переделывать книгу, она выйдет не такой, потому как я уже другая. Слишком другая. Иногда кажется, что от той, которая в этих записках, ничего не осталось. Поэтому я решила книгу оставить такой, как она есть, и просто издать.

Женя, мой друг, с которым мы ездим на Донбасс (Женя московский) про книгу сказал так: «оголила мясо». Да, именно так. Я содрала кожу и бросаю себя к вашим ногам. И мне страшно.

Помню рассказ женщины, у которой снаряд прилетел в дом. Она стояла рядом с фундаментом и рассказывала, как горели их куры. После взрыва они взлетели в воздух и были в огне. В этот момент поймала себя на мысли, что стою и представляю этих пылающих птиц. Была осень и уныние висело в воздухе. Не было листвы, прикрывающей ужас происходящего, а женщина рассказывала, как лишилась всего. Я стояла и думала о том, что если бы снимала кино, то мой фильм бы начинался именно с этих кадров — горящих в воздухе куриц. И это ужасно. Ужасно, что я, мы все, кто со мной ездил и продолжает ездить, перестали остро воспринимать эту грань. Грань жизни и смерти. Реальности и новостей. Когда начинала ездить, я жила каждой такой историей. Я её протаскивала через себя.

Когда-то думала, что первой книгой, которую издам, будет детская история про путешествия отважного Свина из Хрюнляндии. В книге должно было быть много героев — дельфины, ежи, белые медведи. Всё началось с того, что мы с дочкой выяснили, что эскалаторы в метро двигают не моторы, а толпы свиней. Хрюны приходят на работу, снимают пиджаки, манишки и начинают свой трудный рабочий день. Бегут и крутят ступени, а люди едут на работу и не знают.

А написала книгу о войне.

Хочу поблагодарить всю мою большую семью, близких, друзей и читателей, которые меня поддерживали всё это время. Отдельное спасибо тем, кто принял участие в финансировании этого издания. Без них книга вышла бы без фотографий.

Фотографии. Стоит сказать про них отдельно. Все снимки в книге, за исключением тех, на которых я — мои. Они не претендуют на высокую художественную ценность — делались на мыльницу, часто на бегу, да я и не фотограф. Но они раскрывают эту историю. В книге почти нет портретов, хотя немало историй людей. Наверное, многим было бы интересно посмотреть на героев, но война продолжается, и многие герои живут там. Публикация их лиц может навредить им. И есть ещё одна важная вещь — несмотря на реальность событий, это скорее образы войны, ведь похожих историй даже слишком много.

Моего самого главного критика, друга и опоры уже нет в живых. Мой отец умер в августе 2016 года. Я писала, когда он был ещё жив, но уже почти не воспринимал главы, которые ему зачитывала. На тот момент он уже два года был обездвижен. Книгу посвящаю ему — человеку, научившему меня писать, сочувствовать и прощать.

*Евдокия Шереметьева,
октябрь 2017 года*

ЗДЕСЬ ЛЮДИ

Началась война.

Я узнала о ней от Лиды. Не из газет и интернета. Моя война в Луганске и Донецке началась именно с журнала Мангусты.

Нас всех трогают истории о войне. Но трогают откуда-то издалека. Мы скрежещем зубами, переживаем, но, так или иначе, живём своей жизнью. Щёлкаем кнопки на пультах телевизоров, закрываем книги или журналы, отматываем мышкой ленту в сети и, в итоге, устало закрываем компьютер.

И вот в ленте промелькнуло Лидино «въехали танки». Промелькнуло так быстро, что не сразу заметила среди вороха статей о Крыме и Олимпиаде. И сердце оборвалось. В одну секунду почему-то война «там» стала войной «здесь».

Лида, подожди, мы же собирались познакомить дочек летом? Ты обещала абрикосовый компот, а я тебе инжирное варенье.

І. НАЧАЛО

БЛОГ

В 2013 году я завела блог в «Живом журнале». Мы тогда с мужем и дочкой уехали жить в ЮАР. Дневник удивлял друзей и родственников пляжами, на которых мы плавали с пингвинами и морскими котиками. Там я встретила акулу и чуть не померла со страху, прыгнула с самой большой в мире тарзанки, ездила вагонами третьего класса, где не было белых людей, а в ночи караулила бегемотов в тумане. Почти сразу из записок о другой стране он превратился в дневник моей жизни. Первая любовь, детские мечты, первые разочарования и моя дочь. Тогда ей было пять лет, и мы с ней были неразлучны.

Блог назвала «Маленькой Хиросимой». Когда-то в школе друзья обозвали Хиросимкой — так и прижилось.

В ЮАР мы пробыли полгода, потом вернулись домой. А дневник продолжал пополняться новыми историями.

Шла весна 2014 года. Весна, растормошившая нашу жизнь. Крым, где встретились мои бабушка с дедушкой, где родился отец, где я каждое лето обтрясала соседские сады с алычой и персиками, стал Россией.

В блоге писала про дочку. Мы с ней строили домики в парках, учились рисовать, она мечтала стать космонавтом.

Так Лида и набрела на мой дневник. У неё смешной ник — Мангуста. А ещё у неё пять приёмных детей. Девчонок. Сашу,

её мужа, узнала позже. Её журнал весь наполнен рисунками, маленькими достижениями и огорчениями новой семьи. Вот Даша выиграла чемпионат города по спортивной гимнастике. Вот Лиля порезала палец. Вот Галя заболела и не выйдет на экзамены. У них есть огромные улитки, от фотографий которых у меня бегают мурашки по коже. А ещё у Лиды дома растут шикарные абрикосы – жердёли, как говорят там.

ЛЕТНИЕ ПИСЬМА (переписка с новыми друзьями)

*«Письма из Донбасса»
9 августа 2014 года
Дневник*

Ой! Дуня, выходные у меня были ППЦ! В субботу в городе не было электричества и воды... У меня была ночь. В роддоме без электричества — это почти так же плохо, как и при бомбёжке! Отсутствие инета — вообще мелочь по сравнению с единственным работающим допотопным телефоном в корпусе. В общем, я выяснила, что аварийный генератор находился в подвале и потёк. В МЧС работают жуткие хамы, матерщинники, но классные ребята. Что мои санитарки бегают быстрее лани, с мешком плазмы в медсанчасть через страшный парк (т.к. вызвать машину нереально). Что наш патологоанатом — самый классный мужик (припёр свой генератор из дома и кучу удлинителей, лазил со мной по подвалам и отвечал эмчезсникам, пока они не прониклись тем, что на аппаратах двое малюков! А эта девочка одна отвечает за весь корпус после вопроса: «Где начальство»?) Когда перестал работать привезённый генератор, патанатом пропёр опять за машиной МЧС, и все дружно через окно запитали кюезезы, холодильник (привезли плазму назад, т.к. к тому времени потекли холодильники в медсанчасти) и операционную. В 23:00 дали свет! Вот это было счастье! И пошли мои девоньки рожать... Очнулась в понедельник

утром от взрывов в четыре утра. А беремчики ревут по любому поводу.

Привет. Относительно в порядке. В городе нацгвардия. Инета нет. Оптику перебили где-то. А перед этим не было, потому что эти мародёры вынесли заправку вместе с сервером. Ну и бензином тоже. Заправщику ногу прострелили. Почтальон видела газель, груженую трупами. Чьи — неизвестно. Ходили со списками по домам/квартирам.

Сегодня наладилась мобильная связь, и я поболтала с бывшей коллегой.

Рассказывала, как провела последние две недели. Вот вам зарисовочки из украинского июля 2014 года. Четыре дня сидели в бомбоубежище круглосуточно. Больше недели в городе не было воды, потом без света из-за порванных проводов.

Рассказывала о мародёрстве: в магазинах выбило где окна, а где и стены — люди тащили всё подряд, парни натащили коньяка, а потом меняли его на сигареты, которые оказались в дефиците.

Рассказывала, что первые дни хлеб привозили из Северодонецка, и стоил он вместо пяти двенадцать гривен.

Рассказывала, что где-то давали гуманитарку, тащит бабушка мешок с надписью «Россия» по асфальту, а в нём дыра протёрлась, рис дорожкой высыпается. Парни подбежали: «Бабушка, смотрите, у вас рис высыпается». Она: «Ничего, мне хватит, я уже второй мешок тащу...»

Много домов стоит без окон, у неё самой выбито три стекла, сильно Пролетарск пострадал, на улице Свободы ни одного целого дома не осталось. Много снарядов неразорвавшихся, есть такие, которые встряли в землю, приезжали специалисты, посмотрели и развели руками: если начать извлекать — сдетонирует, надо подрывать на месте. А как на месте — город вокруг?

Она готовит кушать на электропечке, воду кипятильником кипятит (у неё уже появился свет — соседи, бывшие РЭСовцы, чинили своими силами). Некоторые дома выходят и подъездами готовят на костре в больших кастрюлях. Сохранился в целости один мост, поэтому снабжение худо-бедно налаживается.

Кстати, похоже, что у нас школа начнётся с первого октября...

Пришли на работу. Сидим, за окном канонада. Причём звонкая. Где-то рядом? Днём нечасто лупят, сегодня неприятное исключение. Когда стреляют, особенно из миномётов, я люблю дома сидеть.

Сегодня всю ночь шёл дождь, заглушал, видимо, звуки выстрелов. Потому что я просыпалась всего два раза, отмечала про себя, что миномёты, и засыпала обратно. А Дима пришёл утром практически спящий, говорит, что начали в половине первого и почти до утра, причём под утро дали три залпа чем-то новеньким — выстрел, а потом шипение громкое. Х/з что за инновации на нашем посту.

Пришёл друг в гости, пили пиво с орешками. В кои-то веки. Уложили детей, сидели во дворе, болтали и спорили. Никогда бы не думала, что можно спорить на такие темы...

— Ну вот же — «Акация»!

— Да нет, это просто миномёт, но близко!

— Ну а вот! Точно «Акация»!

— Да, муж дело говорит, миномёт глуше и тише, и нет такого раската.

— Пожалуй, и правда «Акация»... Надо же, у меня дома так не слышно...

— О, ну вот миномёт, слышишь, разница какая.

— А это КПВТ!¹

— Ага.

В пятницу хохотали: грохнуло, вылетаем — и к погребу, Димка с Сашей детей зашвыривают, мы с мамой во дворе — колеблемся между двумя подвалами (во второй залезать удобнее), вдруг спокойный голос соседки через забор:

— Лидочка, а у вас хрен растёт? Надёргай-ка мне листиков, я огурцы закрываю.

Я машинально иду, рву, отдаю ей, успокаиваюсь, стрельбы не слышно. Пока справилась, гляжу, уже мальчишки детей из подвала достают.

Мы привыкли. У нас вчера два месяца было с тех пор, как начались каждодневные канонады. Мы только на особенно громкие залпы замечаем: «Твою ж мать!» И дальше занимаемся своими делами. На работе отчёты, дома — дела домашние...

В начале июня Саша повесил видеозапись из Луганска. На ней в кадре умирает женщина. Ей оторвало ноги, но она спокойно и без истерик, в отличие от снимающего её на телефон, просит вызвать скорую.

Рядом с ней лежал труп женщины в серых бриджах. Она погибла после авиаудара по зданию облминистрации города. Это родственница Саши. Я повесила это видео у себя на странице. После этого лишилась многих друзей. Вот она лежит мертвая. А вот в комментариях «друзья» пишут какую-то чушь про кондиционеры и «сепаров». «Сами виноваты».

¹ Крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый. (Примеч. авт.)

Оказалось, что люди делятся на разные сорта. На тех, кому можно сочувствовать, и на тех, кому нельзя. Кто исповедует нужные идеи — того можно слушать. А есть другие. Другого сорта. И это писали не далёкие немцы 30-х годов, а мои друзья. С которыми ходила на катки, с которыми бегала по вагонам метро.

Прошло полгода, на Донбассе установилось перемирие.

На территории, где живут Лида с Сашей, воцарилось относительное спокойствие, и линия противостояния ушла. Дикое напряжение спало. СМИ утихли.

А в Первомайск пришел голод.

**«Голод в Луганске»
13 декабря 2014 года
Дневник**

В общем так, пишет мой хороший друг из Луганской области. Отвечаю за его слова. Вчера вечером опубликовал в закрытом доступе у себя на страничке в «Фейсбуке»:

«Дорогие граждане. Товарищи... Друзья. У нас в регионе сильно активизировалось СБУ (друг живёт в той части, которая под Украиной. — *Примеч. авт.*). Двоих моих друзей вызывали для беседы, и, видит Бог, я не знаю, чем всё это закончится для меня. Поэтому я стараюсь здорово не светиться в сети со своим мнением и активностью. Однако я считаю правильным и необходимым рассказать вот о чём.

Мой луганский друг Женя сегодня был в Первомайске. Он подрядился отвезти туда гуманитарку. Звонил мне вот прямо сейчас. Он всяко повидал в жизни, мужику за полтинник, стальные яйца и железные нервы, но, хоть это и стало модным оборотом речи, он действительно всхлипы-

вал в трубку, нивелируя это матюками. Так принято у мужчин, сами понимаете...

«В Первомайске реальная жопа. Нет ни одного целого дома. Процентом 70 вообще непригодны для жилья. Никакого перемирия и режима тишины нет. Обстрелы каждый день. Те жители, которые остались, живут в подвалах и просто боятся оттуда выходить. Отопления нет. Связи нет. Света нет. Воды практически нет. Самое страшное, что еды тоже нет. Ближайшая цивилизация начинается в Стаханове — в 15 километрах. Оттуда приезжают бригады латать газопровод, иногда приезжает скорая. То, что он привёз на своём бусе, сгрузили в общий склад, а оттуда выдают на общественные столовые. Пока разгружали, походил, посмотрел. В этой самой столовой из еды картошка, плавающая в воде.

Рассказывал, что ополченцы позвали покушать. Вначале отказывался, но потом пошёл. Говорит: «Думаю, посмотрю, что сами едят. Если насыпят борща с мясом, кастрюлю на голову надену». То же самое едят. Картошка, плавающая в тёплой воде.

А теперь, собственно, просьба. Если кто-то как-то связан с гуманитаркой, в Луганске есть человек, готовый возить её в Первомайск. Если моё поручительство в его честности как-то поможет, то это оно.

Координаты для связи дам в личку».

Рассказ пролетел мимо, как сотни тысяч других. Закрыла ноутбук и спокойно заснула.

А утром проснулась, и почему-то эта просьба стучит в голове. Открываю дневник, размещаю его у себя в журнале. Ответы пошли сразу.

«Ну и чего вы добились своей войной? Хотели пенсии и зарплаты как в России, хотели икру ложкой есть и ради этого продали свою родину? Наплевали на Украину? Так духовными скрепами сейчас питайтесь! Надо было вашему народу сразу всем сопливым ополченцам-бухарям под жопу надавать, чтобы эти ролевики войну не устраивали и города не рушили, тогда бы и проблем не было. А так вы обратили ваш же регион в шлак! Максимум, что вас ждёт, это судьба ободранной Абхазии, или как их там».

«Это всё ужасно и печально. Но какого хрена они не уехали, когда ещё была возможность? По-моему, задача любого трезво мыслящего гражданского человека максимально быстро эвакуироваться из зоны боевых действий».

«А чего другого можно было ожидать? Одно дело — провозгласить независимость, другое — обеспечить в независимой стране нормальную жизнь. Кто этих стариков заставлял голосовать за Лугандон?»

«А вот и очень хорошо. Зато теперь охрененно “независимые”. Выживают на российские подачки. Скоро эта хлява закончится, и разбегутся “бравые ополченцы” к е***м собачьим».

Спустя три месяца, 21 марта, написала в дневнике:

МОЖНО ПОПРОБОВАТЬ

*«Я в Луганске»
21 марта 2015 года
Дневник*

Очень хорошо помню тот день.

Нет, это был вечер.

Помню, пошла гулять с дочкой в парк. Было не очень холодно, всё было в снегу и недавно заledenело от замёрзшего дождя. Вокруг стояли снежные леденцы-снеговики и ходили маленькие малыши, постоянно падающие на этом «катке».

Мы шли по стемневшему парку, горели фонари. Дорожки с плиткой были очерчены белыми снежными прожилками.

За день до этого прочитала сообщение про Первомайск, про голодающих детей, про нечеловеческие условия этого города, который уже полгода решетили из тяжёлой артиллерии.

Перепостила и всё ждала, что кто-то отзовется, и передам контакты.

Но никто не отозвался.

В парке стояла глухая тишина, дочка бегала вокруг. А я думала, что в Первомайске дети не могут так. Потому что они сидят в бомбоубежище и боятся выйти на улицу.

Такие же девчонки и мальчишки, как моя дочь.

Рядом снежная крепость и цветные фонари, подсвечивающие её. Дочка подбежала к одному из них и стала закрывать рукой свет.

— Мама, посмотри: у меня зелёное лицо!

Зелёное лицо светилось от счастья, парк был словно ночная снежная Нарния, как будто мы туда попали через платяной шкаф в большом старом доме.

Но ведь можно попробовать всё сделать самой?

— Серёж, тут подумала, как считаешь, можно ведь собрать самим еду и вещи и как-то передать?

— Давай.

САША ГУРЗУФСКИЙ И ЛЁША

Помню, почти все говорили, что это невозможно: как ты проедешь? Да зачем тебе туда соваться? Без тебя возят постоянно гуманитарку, полно фондов. На чём поедешь? Как повезёшь? Там никто просто так не передвигается! Как попасть? Что повезёшь? Как соберёшь? Граница! Могут убить! Там война! Ты сошла с ума?

Мне написали все, и я нагло врала, что всё решено, что мне всё сделают, и обо всём договорилась, и всё схвачено.

Не было схвачено.

В планах было собрать помощь и передать кому-то, кто доездит и передаст в Луганск. Я начала судорожно обзванивать знакомых журналистов, но все только отфутболивали меня. Как вдруг написал Саша. Ещё один Саша в моей жизни.

Этот Саша оказался родом из Гурзуфа, того самого, где я потрошила деревья с алычой. Он учился в одной школе с моей близкой подругой и прочитал меня в «Живом Журнале»:

— Дунь, давай арендуем газель и отвезём всё, что соберёшь? Машину оплачу.

К этому моменту у меня было отложено три пакета вещей от дочки, лекарства и планировалась покупка гречки и тушёнки на гонорары от последних статей.

И всё. Газель? Ну что ж, может кто-то что-то ещё принесёт.

«Ребят, в общем, еду сама, кто хочет поучаствовать, пишите в личку. Еду на этих выходных».

Через несколько часов посыпались личные сообщения.

В тот же вечер дом завалили едой и вещами. Люди стали приносить деньги. За несколько дней мы собрали около 100 000 рублей. Откуда ни возьмись, возник Лёша, который

предложил помощь в сборе и покупке еды, выделив на это немалую сумму. Он оказался знакомым знакомых.

Квартира превратилась в огромный склад, где можно было передвигаться только по протоптанным дорожкам. Везде кучи еды, спички, носки, памперсы, детские смеси. Горки из макарон и гречки. Мама стойчески принимала с утра до ночи неизвестных ей людей. Дочка устраивала между коробками домики и стелила сверху пледы.

Разгружаем машину

ТАМОЖНЯ

Уже через день мы с гурзуфским Сашей стояли на границе ЛНР и России. Друг друга вообще не знали, но казалось, что всё так и должно быть. Мы не понимали, что едем в зону боевых действий, что нас могут убить в любой момент. Что это опасно.

Я обещала мужу и маме, что мы доведем всё до границы, а там передадим Жене — автору поста о Первомайске. Потом решили: Луганск недалеко от границы, сейчас там тихо, и надо бы переночевать. Маме по телефону повторялась мантра «до границы», но она всё поняла сразу и не спала два дня.

И вот мы ночью на таможне. На руках никаких бумаг, нас не хотят пропускать, посылают за оформлением в МЧС. А МЧС все грузы принимает следующим образом: «Давайте на склад, отвезём сами».

Я побежала за начальником смены, подтащила его к «газели», и начала доставать детские смеси и, захлебываясь в слезах, бормотать про Первомайск, бомбоубежища, детей, и что там голод, и в город не попадает ничего.

Таможенник резко повернулся:

— Езжайте обратно.

Рядом стоял маленький бусик, который тоже был гружён чем-то — то ли учебниками, то ли просто канцтоварами. Водитель говорил, что это для новосветловской школы гуманитарная помощь от какого-то фонда и что бумаги они забыли. Его развернули, и бус через уже пять минут скрылся в обратном направлении. После буса развернули ещё несколько машин, но мы всё стояли.

Я отказывалась верить, что события последних трёх дней вдруг закончатся прямо здесь, у границы. Бегала за всеми подряд. Погранцы начали жутко ругаться и перекидывать меня друг на друга. Я заходила обратно в машину погреться, набиралась сил и шла снова. На улице было зябко.

Вдруг возник худосочный, в очках молодой человек в форме. Он быстро прошёл мимо и молча сделал знак рукой. Я побежала за ним. Мы зашли за какие-то дома. Рядом с туалетами, закурив, сразу начал отчитывать:

— Мы не можем! Тут прослушка, ОБСЕ, как, как мы тебя пропустим?

Мы проехали около 18 часов, не спали, до этого я несколько дней дома принимала все эти вещи и еду, и вдруг — стена. Слезы начали катиться сами по себе, и худосочного парализовало. Я не могла ничего от досады сказать. Представила, как поеду обратно с этим скарбом. А что написать? Что сказать людям, которые всё это передали? Куда это деть? Дул жуткий ветер, и слёзы начали течь поперёк лица. Мы оба смотрели в пол, я прошептала:

— Вы думаете, я хочу это продать?

Пауза. Он бросил сигарету и пошёл быстрым шагом в сторону машин:

— Вас здесь не было, мы вас не видели.

Через 15 минут мы были на территории ЛНР.

ЖЕНЯ И ЛЕНА

Я не знала, кто такой Женя, кроме того, что он друг Саши луганского, мужа Лиды. Когда собирала помощь, не стала об этом писать и лишь указала, что прекрасно его, Женю, знаю. Хотя и Лиду с мужем тогда вживую не видела ни разу.

Всем написала, что поеду к старому другу, что мы обо всём договорились на таможне, и что всё схвачено. С Женей мы говорили по скайпу два раза.

Женя в моем представлении должен был быть пузатым мужиком в камуфляже. Из тех рыбаков-охотников, которые даже дома спят в обнимку со спиннингами. У него низкий голос и очень звучное украинское «г».

Была глухая ночь, и, когда мы вышли из машины, меня подхватили на руки и закружили. Только потом разглядела Женю.

Сухощавый дылда, рядом с ним — жгучая брюнетка с косой до попы. Красавица Лена меня сразу обняла и поцеловала. Мы стояли в ночи на границе двух разных миров, и я была как в тумане.

С этого момента начался какой-то другой отсчёт. Теперь понимаю, насколько оказался велик шок. В моём сознании всё было гипертрофированно. С тех пор сто раз ездили там по ночам одни — без сопровождения и документов. Бывало страшно. Очень страшно. Мы слышали канонаду орудий, видели залпы «Градов», но ту, первую ночь не забуду никогда.

Дыры в асфальте от снарядов, обрушенный мост, сгоревший танк на дороге. Даже растения на обочинах казались инородными.

Пару лет назад вообще не знала ничего о Донбассе. Ничего. Для меня это был пустой звук. Не знала города такого — Луганск. Слышала, что где-то такой есть. А где и что — поня-

тия не имела. И вдруг оказалась в нём. Сидела в машине с выпученными глазами. Казалось, они выскочат от страха и ужаса.

После поездки, не спав сутки, не смогла заснуть, пока не написала в блог.

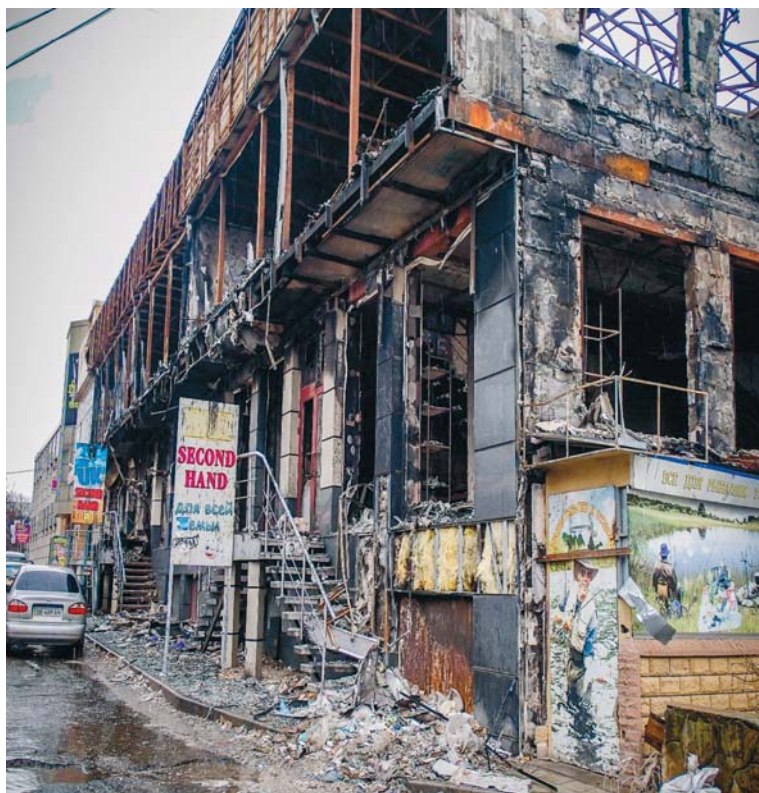
Снаряд на трассе рядом с Луганском. Декабрь 2014 г.

***«Слёзы Луганска»
22 декабря 2014 года
Дневник***

Мы сделали почти невозможное. Меньше чем за неделю собрали «газель» еды и вещей. И в эти выходные я и Саша отвезли их в Луганск, откуда мой друг Женя отвёз сегодня всё до Первомайска. Желаящие помочь пишут до сих пор, и уже,

скорее всего, будет ещё одна машина. Так что, видимо, поеду и на следующих выходных туда. Про гуманитарную помощь напишу отдельно, обязательно напишу. Ребята, друзья, братья, сёстры, родные мои, спасибо всем, кто прислал деньги, кто приносил тёплые детские комбинезоны и смеси для младенцев. Спасибо всем, кто, не зная меня лично, поверил.

Можно миллионы раз читать чьи-то истории. Можно смотреть и смотреть ролики на «Ютубе». Но просто поверьте, что это не то. Всё знала. Но, когда видишь своими глазами, реальность меняется. Мир изменился и никогда для меня не станет прежним.

Луганский рынок. Декабрь 2014 г.

Мои ощущения от войны начались именно с этой ночи. Огромная, безлюдная, идеально уложенная к чемпионату Европы по футболу дорога.

Только где-то в Чернобыле.

Идеальный асфальт, глубокие дыры, поваленные мосты и танки вдоль дороги.

Кромешная ночь, ты едешь медленно, потому что посреди дороги постоянно встречаются огромные воронки от обстрелов, где-то куски снарядов. Где-то просто стоит танк...

— Да тут вечно слалом ехать приходится.

Женя смеётся. А вокруг никого. Пустота и чернота, которая начинает поглощать меня.

Утром поехали в Новосветловку, точнее, в то, что от неё осталось.

Пока фотографировала, проходила мимо женщина. Ирина, высокая блондинка, отправила всех своих детей и внуков в Россию.

— Почему сами не уедете?

— Куда? Кому я нужна? Это мой дом.

— Были здесь, когда бомбили?

— Были.

Рядом стоит пожилой мужик в телогрейке.

— Народ потом айдаровцы загнали в церковь и пошли мародёрствовать по домам и квартирам. Ужас, что творилось. Весь день до ночи сидели там. Очереди по храму давали.

— Сколько людей погибло?

— Сложно сказать.

— Отец, подвезти?

На дороге стоит пожилой старик в огромных сапожищах и ждёт маршрутку.

— Праздничная акция?

Садится и без остановки рассказывает.

— С похорон. Племянницу хоронили.

— Вы чего не уезжаете?

— А почему должен уезжать? Это мой дом.

— Опасно же, зачем рисковать?

— От судьбы не уйдёшь...

И смотрит на меня с непониманием.

— А дети, жена?

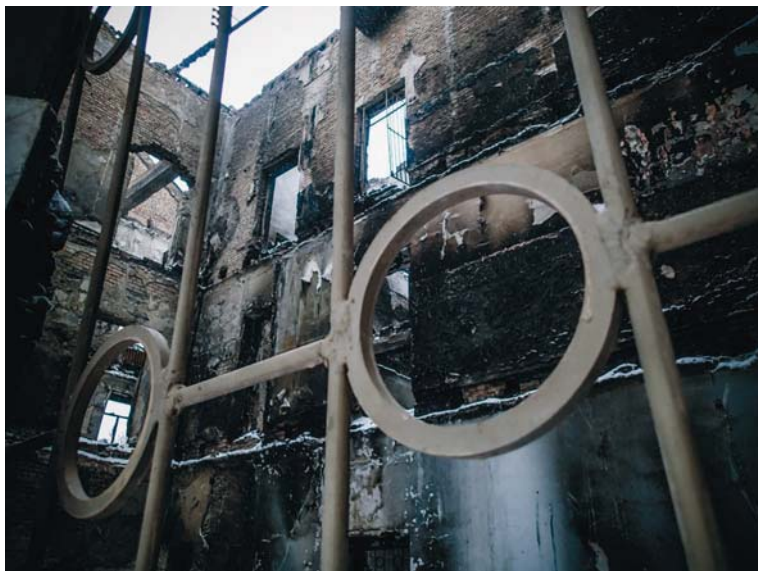
— Они в Киеве.

Вздыхая, продолжает:

— Рассказываю друзьям, родным, что здесь, а они не верят. Говорят, вру. Свои же, родные, не верят! Нам вообще никто в мире не верит. Понимаете? Никто! Нас тут лупят из «Градов» и миномётов, убивают, грабят, и никто не верит оттуда. Никто! Мы себя сами расстреливаем и подрываем!

Голос срывается, дрожит. Вижу краем глаза: слёзы стоят.

Отворачиваюсь.

Луганская школа №7. Декабрь 2014 г.

Солнце светит, снега нет. Люди ходят с пакетами мимо сгоревших танков, разбомблённых магазинов. Жизнь идёт, такая простая и обычная жизнь. Идут, смеются, болтают, семечки лузгают.

Всех спрашиваю: почему, ну почему не уедете? Отвечают одинаково:

— А куда? Кому мы нужны? Здесь мой дом...

— Взвалю мать на спину, она у меня болеет, и в подвал. Не бросать же её здесь, а куда мы поедем? Отстреляют, вечером обратно. Тяжело. Но ничего... Живы.

Едем дальше.

— Хочешь увидеть наш аэропорт?

— Хочу.

Подъезжаем к аэропорту — мимо колонна велосипедистов с детьми. Выехали на прогулку в такой солнечный день.

Аэропорт Луганска. Декабрь 2014 г.

На месте аэропорта кладбище. Погоревшие БТР, осколки снарядов и тонны железа.

— Вот, смотри, что с ним стало. Видишь?

— Снаряды?

Показываю на десятки железок, в которых ну ничего не понимаю. Лена, красивая брюнетка на каблуках, со знанием дела:

— Это от «Града».

Сначала меня вводило в ступор всё вокруг. То, что там есть люди. Что они ходят, разговаривают, живут. А сейчас, когда мне задают подобные вопросы, удивляюсь. Словно бы сама там живу. Война стала моей реальностью. Такой же, как и для Лиды, срывающей хрен, или для Алёны (Лидиной подруги), принимающей роды в подвалах.

Сколько раз слышала, как после длительной бомбежки женщины плюют на всё: «Да надоело по подвалам! Я стою, слышу, свистит — на пол падаю, а потом встаю — горит же еда!» — «А кто закрывать консервацию будет? Порошок?»

А потом сама, лёжа на женином диване, тихо спрашивала: «Жень, далеко?» — «Далеко», — и дальше болтать. А на заднем фоне «Грады» бьют и бьют, отбивая свой марш. А я не замечаю...

Мам, у нас тут тишина и спокойствие! Ты чего!

«Луганск и война»
24 декабря
Дневник

Как после апокалипсиса, ходят люди с продуктами, мимо разбитых домов, изрешечённых магазинов и разваленных детских садов. И женщины гуляют с детьми в колясках.

Дело просто в самих людях. И ощущениях. В воздухе висит что-то непередаваемое, отчего ты понимаешь: война.

Война — не боевые действия, иссечённые дороги от снарядов.

Война — люди. Люди, простые люди, живущие в аду.

Трасса Красnodон-Луганск. Декабрь 2014 г.

Это не абстрактные данные в новостях: «погибло столько, взято в плен столько, пострадало столько». Мы так часто слышим эти фразы, что они остаются где-то далеко. Пустые формальности, за которыми мы прячемся, чтобы не знать правду. Чтобы она не секла и не резала нас.

Война — история каждого человека. Каждого человека, конкретного. И эти истории невозможно слушать. Сердце разрывается на тысячи кусков.

Можно ли его склеить?

Город чинят, по мере возможностей восстанавливают.

Женя постоянно показывает на разные здания в центре. Какие-то уже восстановили, другие так и стоят все в дырах.

— Видишь? По этому магазину ударили с воздуха. Сам видел. Я тогда залез на крышу — только там ловилась связь. И увидел, в какую сторону, где и куда стреляли с воздуха. А потом прочитал в интернете, что это кондиционеры взорвались. Дуня, понимаешь? Сам видел! А они мне доказывают: всё неочевидно, неясно, вы на эмоциях были, вы не специалист.

У Жени уже нет работы, взрослая дочь давно живёт со своей семьёй и ребёнком в Киеве. А он занимается тем, что развозит гуманитарную помощь. Своими силами, за свои деньги, в места, где идут боевые действия. Именно он был в Первомайске и увидел катастрофу города, который уже полгода в осаде. Ездит всегда вместе с женой.

— Жень, а зачем вместе? Опасно же...

— Если умрём, то вместе.

Неразлучно. Они и ночью на границе встречали нас вместе.

— Мы одно целое.

— А ещё знаешь, Дуня, сразу понимаешь, кто есть кто. Все отсыпались, как шелуха. А некоторые, с кем и виделся всего-то раза два, оказались настоящими людьми. Людьми с большой буквы.

Слушаешь Женю и понимаешь: нас тоже окружают тысячи людей. Мы думаем, они друзья. Мы видим их каждый день. Но мы не можем знать, кто из них и когда вставит нож в спину. А кто всё бросит и поможет, даже если у вас разные взгляды.

— У меня был знакомый один. Денег в своё время занял. Вступил в нацгвардию. Позвонил тут и говорит: «Жди, приеду отдавать долг. С автоматом».

Луганск. Декабрь 2014 г.

— Сейчас хоть нет проблем со связью. Когда бомбили Луганск, по счастью, у меня на крыше дома ловилась связь хоть иногда. Залезал на свой страх и риск. И всё видел. Как полыхали дома, как у соседей снаряды в огород падали.

А ещё знаешь что? В городе было всего несколько точек, где ловилась связь. Люди туда съезжались. И знаешь что? Туда украинцы лупили снарядами.

— Женя, ну не может быть! Это случайно же!

Смеётся.

— Ну конечно, не может быть. Конечно, случайно. А вообще мы сами по себе стреляли. Точечно. Хотя нет. Это кондиционеры были, говорю тебе. Я же не специалист. Судить не умею. Пойми, нас долбили, как мух. Сначала и те, и эти. Потом только украинцы. Мы вчера с соседями считали. В радиусе 500 метров от моего дома поприлетало в 15 домов. Кому в огород, кому под ворота, кому в сарай, кому в дом. Двоих убило, троих покалечило. Это в радиусе 500–600 метров. Мы знаем, откуда прилетало. Методично. По часам. Каждый день. По социально значимым объектам, по инфраструктуре. Более 80 процентов подстанций было раздолбано. Газораспределительные станции долбили, водонасосные станции. Планомерно. Каждый день.

А ещё знаешь, когда совсем не было связи, общались записками. Передавали их с маршрутками. Ты знаешь, ребятам этим надо ставить памятники. Водителям. Они возили в самые горячие места. Когда «Грады» лупили по городу, они возили людей в подвалы. Денег не брали.

Ребята сразу стали родными, как будто мы знали друг друга всю жизнь. Женя не молод, но сразу производит впечатление напором и харизмой. Помню его зеленую, совсем не по возрасту толстовку и кожаные перчатки без пальцев.

Уже вечером, за столом, мы обсуждали Кастанеду, «Тибетскую книгу мёртвых» и философию языка. Дом у ребят большой, весь в цветах. Огромный зимний сад. Лена пристально следит, как бы кто не задел её растения. Иногда кажется, что она с ними разговаривает, и они её слушают.

Улицы Луганска. Декабрь 2014 г.

Все полки заставлены статуэтками, привезёнными из Таиланда, Перу... Голос у Жени низкий и звучный. Хочется вскочить и вытянуться во фронт. По образованию он архитектор, но по профессии почти не работал. В лихие 90-е перегонял машины из Европы, занимался перевозками людей, перепродавал товары в Москве. Сейчас у него свой бус, который нас постоянно выручал. Бус — так на юге называют микроавтобусы типа газелей.

Мы выгрузили всю гуманитарку у Жени в гараже. Везти нас в Первомайск он отказался — по нему тогда стреляли со всех сторон. Город находился и по сей день находится в кольце. Несмотря на перемирие, по нему долбили постоянно. Женя с Леной, рискуя собой, поехали и всё распределили между бомбоубежищами и подвалами города. В этом им помог комендант города — Евгений Ищенко.

Изначально я договорилась с мужем, что поеду только до границы, а там передам весь груз ребятам. Они сами всё раздадут и на видео запишут. Почему-то тогда поверила им сразу и безоговорочно. Это было очень наивно с моей стороны, но повезло. Так совпало, что я встретила именно Женю с Леной, а не кого-то из тысяч мошенников и прой-

дох, паразитирующих на войне. И, если бы не Женя с Леной, то не было бы других поездок туда. Много чего не было бы. И главное – веры в человека.

Новосветловка. Декабрь 2014 г.

Раньше думала, что на войне всё свято. Что это ужасно, страшно и больно, поэтому люди должны объединиться. Не было понимания, что многие на этом наживаются. Сейчас уже мало чему удивляюсь.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА

На следующий день после возвращения в Москву мне позвонил Лёша, который помог деньгами и сборами, и сказал, что у него есть человек, который даёт 300 тысяч рублей на следующую поездку. Вопросы ехать или не ехать даже не возникло.

Кто этот человек, я так и не узнала, общаться со мной лично он не захотел. Лёша лишь загадочно увиливал от распросов.

В блог, на почту, в социальные сети продолжали сыпаться сообщения с предложениями помощи. Не успевала на все отвечать. Квартира опять превратилась в склад. Эти люди меня не знали и не видели никогда. Они просто прочитали посты в сети. По каким-то причинам для всех них война стала чем-то осязаемым. Близким, стоящим у порога.

Одна девушка, которая принесла детские вещи, в проходе мялась, мялась, а потом смотрит в лицо: «Можно, я вас обниму?» И обняла. А потом убежала.

Прямо перед Новым годом мы были снова там. С нами поехали ещё двое ребят — мой друг детства Рубен и девушка Саши гурзуфского — Оксана.

В эту поездку удалось попасть в Первомайск, который и по сей день (на январь 2015 года. — *Примеч. авт.*) находится в окружении. Первомайск — город, который станет родным до боли. Каждый раз, приезжая туда, буду видеть больше и больше разрушений. Буду видеть новые жертвы. Меня начнут узнавать на улицах, ребята из комендатуры станут друзьями.

Тогда встретила в первый и последний раз Евгения Ищенко. Человек, который взял на себя управление городом, когда все сбежали. Сейчас там тихо, многие возвращаются. И все,

кто тогда бросил Первомайск, я имею в виду управителей, теперь лезут обратно на свои места. Постфактум, когда стало спокойнее, начинают осуждать всех подряд. Но я помню Первомайск в осаде, когда ОБСЕ боялась ездить по улицам.

Город был вымерший. Не было никого. Только Евгений и его люди пытались что-то сделать.

Блок-пост. ЛНР. Декабрь 2014 г.

«Здесь люди! Не стреляйте!»

4 января 2015 года

Дневник

— Ира, не плачь! Не стреляют, показалось!

На кухне раздача еды. Люди пришли со стеклянными банками на социальную кухню.

Подхожу к женщинам — работницам столовой, протягиваю пачки с гигиеническими прокладками. У второй, подруги Иры, потекли слёзы.

— Миленькие, спасибо!

— Да за что... Давно стреляли?

— Да вчера вроде из «Градов» лупили.

— Так перемирие, нет?

Они смеются. А потом опять слёзы.

— Господи боже, они же знают, что бьют по нам! Что же, у них матерей и детей нет?

— Несмотря на перемирие, внуки только в одежде спят. И с документами.

Подруга толкает.

— Как будто сама не одетая спишь?

В Первомайск попасть нельзя. Город находится в подкове, окруженный со всех сторон ВСУ и нацгвардией. Чтобы добраться из Луганска, надо преодолеть не один блокпост. В сам же город, если ты не его житель, не попадёшь никак. Проход закрыт. Наш гуманитарный груз встречал Ростислав — красивый высоченный ополченец.

— Ростислав, какой у тебя позывной?

— Нет позывного. Я и есть Ростислав. Ростик. Родился и жил здесь. Мне нечего бояться. В сетях везде свой адрес пишу, говорю: приходи, поговорим.

Ростислав сажает нас в машину к себе. Смотрю вниз — граната, обёрнутая проводом от айфона, словно ребенок — пуповиной.

— Настоящая?

Смеётся.

— Возьми. Ты назад посмотри.

Беру в руки, а у самой они трясутся. Сзади лежит что-то очень большое. Явно больше автомата, знать бы ещё что.

— Боже мой, что это?

Рубен говорит:

— Муха.

— Не, это РПГ-26. Поехали, покажу, что сделали с нашим городом.

Ростислав неспешно тянет сигарету за сигаретой. Он младше меня, но рядом с ним чувствую себя ребёнком — чёткий и ясный взгляд.

Смотрю в окно, пытаюсь найти хоть один дом, который не пострадал. Где не выбиты хотя бы окна. Пытаюсь и не могу.

— Это уже много восстановили. Видишь, крыша? Её поставили несколько дней назад. А здесь видишь? Уже натянули пакеты на окна. Уже много сделали. Но сама видишь, что творится... А вот воронка — здесь как раз семья вышла на костре еду приготовить... А вон дом видишь? Мужчина даже запрыгнуть в подвал не успел — дверь открыта осталась. И везде останки. Первым попаданием.

— Неужели специально?

— Да нет, куда специально. Обстрел неточный же.

— Корректировщики работают?

— Было, но сейчас почти нет.

— По ополчению, по вам пытаются попасть?

Первомайск. Декабрь 2014 г.

— Да ты знаешь, ловили мы их. Есть среди них неплохие ребята, люди. Когда увидели, что не с российской армией воюют, а по старикам и детям бьют, многие пытались удрать. Их же там всех зомбировали, что людей освобождают от Путина. А в целом просто без всякого разбора бьют по городу. Школы, техникумы, Дворец спорта — да всё подряд. Город изрешетили...

— Им всем промыли мозги. Но есть и нормальные люди. Как-то били по полю снарядами. Значит, осталось что-

то человеческое. Не исполнить не могут, но понимают, что с каждой кассетой уходит либо чья-то жизнь, либо кто-то навсегда лишается своего дома.

— Может, лучше оставить город? Стоит ли это сотен жизней?

— Они же здесь половину просто поубивают или пересажают. Мы же все здесь «террористы», как будто не знаешь. Мы людей не сдадим.

С недавнего времени, после объявления перемирия, народ стал приносить сохранившиеся снаряды прямо под памятник Ленину, в центр Первомайска. Рядом в снегу и грязи валяется растоптанный украинский флаг.

Центральная площадь города Первомайск. Декабрь 2014 г.

К памятнику подходят люди, подолгу стоят. Потом молча уходят. Кладбище.

— Мы памятник из этого сделаем. Чтобы все знали.

Ещё пару недель назад люди вообще не выходили на улицу.

— Мы подъезжали хлеб раздавать, зовём. А люди из подвала кричат: «Кидай сюда!» Выходить боялись. Иногда при затишье некоторые, у кого уцелели квартиры, бегали домой помыться, взять вещей. Тогда многих и накрывало... Все по подвалам и бомбоубежищам сидели.

Сейчас народ на улицах есть. Но в целом город будто вымерший. Словно Припять после взрыва. На многих домах надпись «ЛЮДИ». Здесь люди...

Спускаемся в подвал бомбоубежища, везде развешаны одеяла. Посередине стоит буржуйка. Матрацы, одеяла, тюки с вещами, канистры с водой. Люди увидели ополченца, сразу облепили и давай заваливать вопросами. К нам присоединился друг Ростика — Саня. Позывной — «Скорость». Саня в окружении женщин пытается держать оборону.

— Много людей здесь живёт?

— Когда бомбежка, полный подвал. Сейчас мы живём здесь.

Бомбоубежище в Первомайске. Декабрь 2014 г.

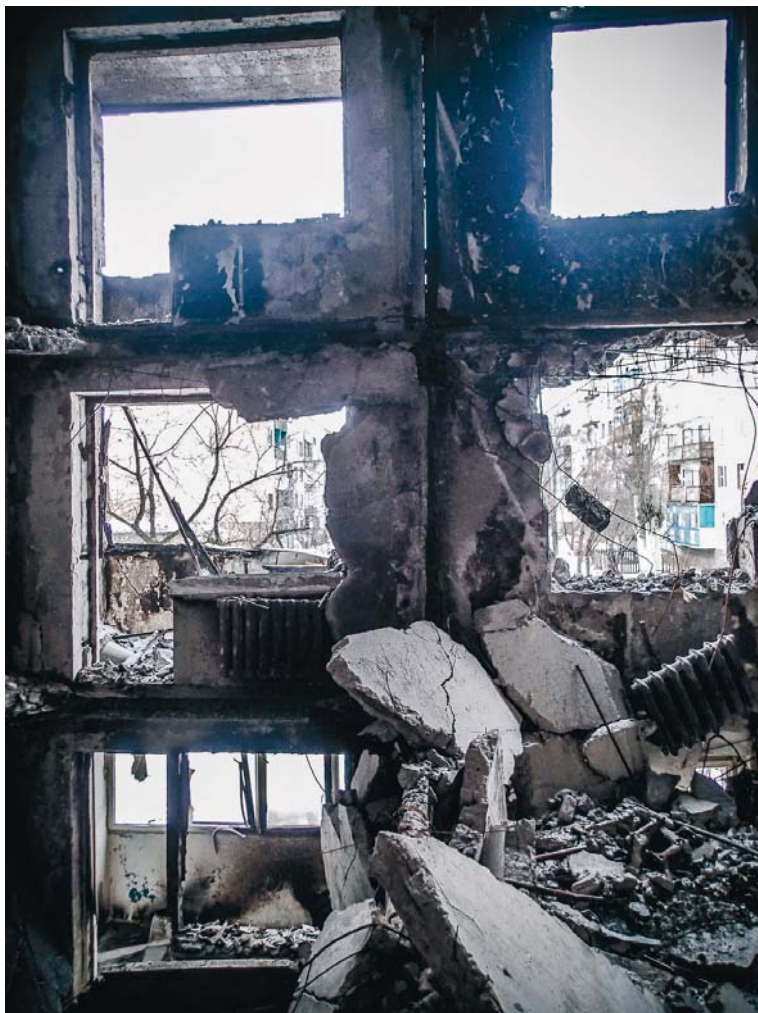
Вижу отдельное помещение, завешанное тряпками. Отодвигаю — там бабушка испуганно на меня смотрит.

— Вы одна здесь?

— Дети уехали, а дом с двух снарядов сломало. Здесь и живу.

— Почему не заберут вас с собой?

— Не знаю. Но я и не поеду. Это мой дом, здесь и помру.

Первомайск. Декабрь 2014 г.

Живут в таких подвалах коммунарами. Питаются и всё делают сообща.

— Поначалу люди вели себя ужасно, — говорит Ростик. — Отбирали пайки, скандалили. Для себя старались урвать. Сейчас всё изменилось. Война пробудила в людях человеческое. Теперь привозим еду — разливают масло по стаканчикам, зовут друг друга. Всем делятся.

На выезде из города на блокпосте стоит парнишка. Лет 18, не больше. Даём конфет, а у него улыбка до ушей.

— У вас ёлку в городе уже поставили?

— Поставили.

— И у нас тоже! Новый год же!

АВАРИЯ

В третью поездку поехали на двух машинах. Оксана, девушка Саши гурзуфского, взяла своё авто. Мы с ней сменяли друг друга. Я вообще-то водитель хреновый и с небольшим стажем. Саша с Рубеном ехали на дукате, загруженном до основания едой и вещами.

Помню эту ночь. Этот мост. Не знаю, что произошло, какое-то наваждение. Я была за рулём, ребята спали на заднем сидении. Вдруг яркая вспышка света. Подумала, что впереди авария, и на дороге люди. Машину понесло. Был лёд и лёгкий снег. Скорость — 120 километров в час. Жуткий рывок. Господи, спасибо — пристёгнута.

Дальше как в тумане. Что-то задымилось, сработали подушки. Меня вытаскивают, какие-то люди отгоняют машину к обочине.

Рыдаю от шока. Оксана в ужасе смотрит на раскуроченную машину. Труп лисы раскатын по асфальту.

Потом сказали, что надо было давить. Но я не видела. Не видела лису.

Пока стояли, почти каждая проезжавшая машина предлагала помощь. Одна пара молодых ребят посадила к себе и поила чаем. Замёрзла в ту ночь ужасно. Уже дома, в Москве, сильно заболела... А ведь раньше не болела никогда.

Помню Александра — ещё одного Сашу, дорожного комиссара рядом с городом Ефремов: «Вы родились второй раз. М4 ошибок не прощает». Спустя полгода его жена недалеко от этого места попадёт в аварию — водитель грузовика заснёт, и её не станет.

Мы сидели с Александром в машине, и он всё не мог понять: зачем мы едем туда? Спрашивал и спрашивал. Его

тогда толком и не запомнила от шока. Спустя две недели после аварии ефремовский Саша сам нашел меня в сети, со своими друзьями стал участвовать в помощи. Иногда на обратном пути мы заскакиваем к ним в гости. В последнюю поездку загрузил мешок картошки и полбагажника банок с овощами: «У вас, поди, в Москве нормальной еды и нет».

Из-за аварии задержались почти на сутки. И за эти сутки случилось страшное. В Первомайске убили и. о. мэра – Евгения Ищенко. И с ним троих волонтеров из Москвы.

Первомайск. Свежая воронка от снаряда. Февраль 2015 г.

Я никогда не беру телефон на Донбасс, многие читатели и друзья подумали, что это мы. Брат тогда, не дозвонившись до мужа и мамы, чуть с ума не сошёл.

Разбитую машину оставили и поехали вчетвером в гружёном дукате.

В машине места практически не было, но никому и в голову не пришло вернуться. Нас ждали. Всю дорогу сидела то сбоку,

то на полу — как самая маленькая. На каждом посту ГАИ ложилась в ноги. Шея после этого болела ещё несколько недель.

**«Здесь убивают»
27 января 2015 года
Дневник**

— Женю Ищенко убили, с ним погибли три волонтёра из Москвы.

Кладу трубку, и ноги подкосились.

Все родные и близкие начинают в панике звонить.

Мы ли это? Могли бы быть.

Но мы ещё только движемся по Ростовской области, мы в перегруженном фургоне с гуманитарным грузом для Донбасса.

И полная неясность.

— Не езжай! Там бомбят, все говорят, надо уносить ноги!

— Мама, всё в порядке.

Стискиваем зубы и едем.

Граница пройдена как в бреду.

Встречают на той стороне ребята из комендатуры Первомайска и Жека с Леной, мои друзья. Уже родные.

— Это правда? Убили?

— Да, правда...

Женю Ищенко видела один раз. Когда мы приезжали в декабре в этот город. Подвели к нему:

— Это та самая Дуня.

Женя — нет, Евгений — смотрит, улыбается и пальцем грозит:

— Ох уж эта Дуня, ох уж эта Дуня!

Жмём друг другу руки, и он смотрит в упор. Руки огромные. Не руки — ручищи. Тем временем его обступают жители с тысячами вопросов. Разрывают на части.

Я не знаю прошлого этого человека. В интернете пишут, что он отсидел большой срок. Что состоял в одной из бандитских группировок. Мне это было неважно. Я знала его настоящее. Он болел за свой город, и, когда все сбежали, он остался, взял на себя ответственность. У него двое детей, младшей дочке полгода.

Ребята рассказывают:

— Представляешь, недавно «Град» прилетел и не взорвался. Застрел в асфальте. Вызвали сапёров из Стаханова, а они отказались. Тогда Женя руками достал, положил в машину и вывез из города.

Ищенко выбивал всеми правдами и неправдами гуманитарную помощь для города. Именно он ходил везде, просил, унижался. Он знал о городе всё, где-то рванёт — он уже там. Не проходит и дня — всё начинают восстанавливать. Мы были в Первомайске в период так называемого перемирия. Город обстреливали регулярно. Но в нём были электричество и вода. Благодаря Жене.

Как без него теперь?

Мы переходим границу и понимаем, что теперь всё иначе. Никакого перемирия. Война.

— Дуня, в Первомайск вас не возьмём. Выгрузим машину, оставим у меня дома и будем ждать, когда утихнет. Тогда всё отвезём. Сейчас нельзя, даже не проси.

С нами в машине девушка Ростислава — ополченца из комендатуры Первомайска. Едем, вдруг вдалеке канонада. Юля вжимается в сидение и сползает по линии окна.

Я не понимаю, что происходит. Начинаю паниковать. Жека:

— Всё в порядке, это далеко. В Луганске тихо.

Перед тем как заснуть мертвым сном, услышала пару залпов. Рубен наутро сказал, что всю ночь лупили «Грады».

*ДК в Хрящеватом. Напротив сожжённый танк.
Январь 2015 г.*

На другой день мы поехали в Хрящеватое. Ещё летом посёлок почти сравняли с землёй.

В руинах. На каждой улице по сожжённому БТРу или танку. Людей практически нет. Как тени, быстро мелькают и исчезают в выстоявших домах.

Остовы домов, сгоревшие машины, перевёрнутые мангалы на участках, где когда-то готовили шашлыки...

Всё в снегу и тишине.

Новосветловка, Хрящеватое — посёлки-призраки, в которых живут люди.

В Хрящеватом нет электричества до сих пор.

II. ПОМОЩЬ

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА И «ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ»

Когда приехали в третий раз, начались активные боевые действия. Первомайск был под обстрелом, и мы не стали рисковать. Женя сказал, что в Луганске полно нуждающихся, и что он познакомился с главой поселкового совета Фабричного — посёлка, который находится в Луганске. Так в моей жизни появилась Любовь Михайловна Ч.

*«Женщины и война»
28 января 2015 года
Дневник*

Друг написал в личку про поездки в Луганск: «Стоит ли это того? Олигархические кланы ведут разборки. Гибнут простые люди. История стара как мир».

На это могу ответить одной историей.

Есть такая Любовь Михайловна Ч., 1953 года рождения.

Когда мы приехали в Луганск, мы не смогли отвезти помощь в Первомайск, для которого собирали деньги. Там шёл и до сих пор идёт массированный артобстрел. Люди по подвалам и бомбоубежищам.

Нам подсказали несколько адресов в Луганске и пригороде, где живут нуждающиеся. Были в основном у инвалидов, лежачих больных и совсем пожилых.

В одном из домов нас встретил юркий мальчишка, который всё время удирает и стеснялся взять конфет.

Его бабушка сидела в инвалидном кресле. Нам было жутко неловко вламываться в дом в обуви. Мы стояли в проходе и мялись с пакетами еды. Гости из чужого мира. А Любовь Михайловна улыбалась нам.

— Вам что-нибудь нужно?

— Кресло бы... Нашли это, но оно еле держится. Сломано.

Она инвалид недавно. Непривычно сидит, это видно. Кресло чужое.

Вглядываюсь — у неё нет руки и ноги ниже колена.

Мы выходим из дома, а Валентина, поселковая глава Фабричного, говорит:

— Любовь Михайловна герой.

Когда в августе Луганск был под постоянным прицельным обстрелом, в Фабричном на птицефабрике из семи цехов разбомбили четыре. В неработающих цехах остались куры. А точнее, их трупы. Через какое-то время они начали разлагаться, появились черви. Возникла серьёзная угроза распространения заразы. Город постоянно бомбили, и работников вычистить от трупов цеха не хватало.

Тогда жителей попросили помочь. Что значит помочь? В жару, в помещении вручную сгребать разложившиеся останки птиц. Долго находиться там было невозможно, иначе грозило отравление вплоть до летального исхода. И все это под обстрелами. Жители откликнулись. Мужчин среди них не было. Пошли женщины. Обычные наши женщины. Матери, бабушки.

Любовь Михайловна тоже пошла.

В жару, под бой миномётов и гаубиц, они выгребали трупы кур из цехов, рискуя здоровьем и жизнью.

Звучит очень пафосно. Но в действительности я преуменьшаю героизм этих людей. Потому что не могу предста-

вить, как это на самом деле. Это лишь слова. Лишь отдалённое эхо того, что на самом деле было.

Женщины в цехах не выдерживали, теряли сознание. Многих рвало.

Такие наши женщины...

И рядом упал снаряд.

Любовь Михайловна лишилась ноги и руки.

И я сделаю всё, чтобы достать и довести до неё инвалидное кресло.

В январе 2016 года она расскажет об этом сама. Легко, словно о поездке на море:

— Нас обычно начинали с 12 часов гасить. В 15 минут первого я ж думала, управлюсь, успею. Вышла из цеха, смотрю, оно сзади летит на меня. Ну, я на мину и упала. Вон, видишь?

Любовь Михайловна задрала платье, а там огромный шрам через весь живот. Я резко отпрянула, а она засмеялась.

— Вот. Кишки, желудок зацепило, печенку чиркнуло. Смотрю: рука отдельно лежит, нога отдельно. А кровь так — щух, щух, щух — летит. Но боли не было!

Мы были у неё много раз, она никогда не жаловалась.

«Только не плакать!»
19 февраля 2015 года
Дневник

Написала недавно историю героической и потрясающей Любови Михайловны из Луганска. О том, как она потеряла

в результате обстрелов ногу и руку, когда помогала на птицефабрике вытаскивать трупы кур.

Когда мы навестили её в доме в посёлке Фабричном, она попросила об одном: «Кресло бы, весной это надо отдать, да и колёса сломаны, почти не ездят».

И знаете что?

После того поста прислали четыре, понимаете? Четыре инвалидных кресла! Одно аж из Белгорода! И мы эти кресла довели и раздали другим нуждающимся.

Ещё люди прислали деньги.

А мы стали искать специальное кресло — удобное, лёгкое и чтобы им мог управлять человек с одной рукой. И нашли!

— Кому показывать, как собирать, как оно работает?

Любовь Михайловна, как настоящая наша женщина, безапелляционно:

— Мне, всё показывать мне. А то потом самой опять во всём разбираться. Наломают тут мои.

Пока собирали кресло, все стояли и не знали, что сказать.

— Не могу больше дома в четырёх стенах. Хочу что-то делать, приносить пользу. Картошку к приходу сына всё время начищаю. Не могу быть балластом. Невыносимо.

Сын подносит ей костыль, к нему примотан пластиковый стакан.

— Сфотографируйте, покажите это. Вдруг кому-то пригодится? А то когда под рукой опоры нет, костылём и не воспользуешься. Мы долго мучились, не знали, как быть. А потом сын придумал!

Когда собрали кресло, Любовь Михайловна даже не сразу поняла, что оно специальное, для управления одной рукой. Сначала по привычке ногой пыталась задействовать систему поворота. Не могла привыкнуть к легкости хода.

Любовь Михайловна стала символом войны. Потому что именно женщины принимают на себя основной удар. Именно они берутся за рутину, тянут ляжку, которая кажется слишком нудной и тяжелой. Восстанавливать всё разрушенное, сохранить что есть — кто ещё будет этим заниматься? Любовь Михайловна могла сидеть дома, но не стала.

У войны женское лицо. Именно женское, и никакое другое.

Каждый раз, приезжая на Донбасс, я сталкивалась с женщинами невероятной силы.

Когда услышала историю Любви Михайловны, толком её не восприняла. Осознание пришло уже в Москве, когда писала о ней. До меня дошел весь ужас ситуации. Город бомбят из тяжелой артиллерии, все сидят по подвалам. А женщины идут выгрывать трупы кур. Это какое-то безумие, абсурд, эту ситуацию невозможно описать. Но именно в такие критические моменты люди совершают настоящие поступки. Становятся героями, как те водители маршруток, которые передавали записки жителей Первомайска.

КРАСНОДОНСКИЙ ИНТЕРНАТ

Такого не видела никогда. В моем сияющем мире, полном красивых людей и высоких идей, вдруг появилось заведение, где живут дети, скажем так — другие. Это не имеет отношения к войне, такие заведения есть везде. Но я столкнулась с ними именно там. На Донбассе.

В интернат мы попали случайно. Туда заезжал один из волонтеров, погибших вместе с Ищенко. Женя сказал, что с едой проблема худо-бедно решена, но с моющими средствами полный швах. У нас с собой ничего уже не осталось, но мы всё равно решили поехать. В здании стоял едкий запах мочи.

*«Краснодон, война и боль»
4 февраля 2015 года
Дневник*

Попав в Луганск, мы не смогли добраться до Первомайска и довести гуманитарную помощь.

— Отвезем подарки и конфеты в краснодонский детский дом-интернат?

У нас с собой было немного игрушек и конфет.

Добирались до интерната, когда совсем стемнело, ехали какими-то козьими тропами и долго не могли найти. Где-то вдалеке слышалось эхо от «Градов». С непривычки и на автомате мелькнуло на долю секунды — салют. Но быстро прошло, и накатило жуткое осознание действительности.

— Далеко, не бойся. Сюда не долетает.

Вообще-то, думала, что это будет обычный интернат. Мы сидели в «Газели» и засовывали в пакеты по одной игрушке и горсти конфет.

— Смотри, собачка дурацкая какая — сюда надо больше шоколадных конфет.

— Смотри, какой классный дракончик! Вытаскивай чу-па-чупс и к собачке.

Мы так увлеклись, что, когда попали на территорию детского дома, даже не обратили внимания на встречавшего нас странного охранника. Когда мы его проехали, Жека шепнул:

— Это бывший воспитанник дома. Им потом деваться некуда.

Охранник явно был не в порядке. И тут только до меня дошло — это интернат для инвалидов.

К этому оказалась совершенно не готова. Нас встретила медсестра. Вытащили коробки, отнесли их. А в руках у нас были эти дурацкие пакетики с конфетами.

Медсестра смотрит на них:

— Нет, сосалки ребятам нельзя. Только некоторым. Я вам покажу, кому дать можно. Подавиться могут.

Рядом стоят другие работницы.

— Игрушки тоже нельзя. Возьмите штуки четыре.

И начинает загибать пальцами и считать тихо вслух:

— Маша, Саша, Витя... Ну штук пять пакетиков возьмите, я покажу. А остальным прямо в ротик надо класть — причём не целые конфеты, а маленькими кусочками.

Мы судорожно рвём пакеты и ищем мягкие конфеты. Как назло, у нас в основном сосалки. В панике разделяем.

Выходим в коридор — и в нос бьёт затхлый запах. Здесь много лежачих, которые ходят под себя...

Нас ведут коридорами, и мне все хуже и хуже. Готова была к взрывам снарядов, бомбоубежищам, но не к этому.

Тяжело описывать детей с синдромом Дауна, ДЦП и детей, чьих диагнозов не знаю, но видно, что они вообще ничего не понимают — лишь мычат и руки тянут.

Пока шли, Жека сказал:

— Летом здесь снаряды падали в 100 метрах от дома. А куда всех девать? Здесь девочкам уже полгода не платят зарплату, а они моют горшки, не бросают детей... Героини.

Начинаю вглядываться в нянечек, медсестру — в «девчонок». Читала про ужасы подобных мест, про жестокость персонала. Но передо мной были настоящие женщины. Вы можете себе представить, что такое таскать всех этих детей в подвалы во время обстрелов и бомбёжек?

Есть буйные, есть совсем лежачие. А в интернате персонал в основном женский. Кому эти дети нужны? Куда их вывозить? Эвакуировать? Куда?

Когда мы зашли, начался вой, словно мы попали в улей. Со всех сторон потянулись руки.

Мы бегали между ними и клали в рот конфеты. Некоторые нам улыбались в ответ. Часто было даже неясно, понимали ли они, что происходит. Кто-то кричать начинал. Один ребёнок отказывался брать конфету. Другой вокруг меня бегал и всё время пытался отнять конфеты у остальных.

Был мальчик, который тянул руки, а когда я давала ему конфету, начинал мычать, отворачиваться и руками на меня махать. Я отходила, а он опять руки тянул. Я так три раза к нему подходила, и история повторялась. Ничего не понимала, пока медсестра не увидела меня с мальчишкой:

— Он ест, только если дают из ложки...

Один мальчик, показалось, взял меня за руку, и немного стиснул её, и улыбнулся.

А ещё очень запомнилась девочка. Ей подарили пакетик с игрушкой и конфетами. Она достала мягкое сердечко с ручками. Обхватила его нежно-нежно и прижала к себе, как живое, а потом начала целовать. Целовала и обнимала. Обнимала и целовала.

Я пыталась улыбаться им, пыталась радоваться. А хотелось захлопнуть дверь и убежать. В голове только одно: господи, ведь не бросили этих детей. От многих никакой

отдачи, никакой реакции. Они же не скажут спасибо, они же даже не ответят на эту ласку. Многие вообще ничего не понимают.

— Скажите, что вам нужно? Еда?

— Еда у нас есть. Привозят. Вот недавно какой-то иностранец-боксёр дал много еды специально для нашего детского дома... А нам катастрофически не хватает памперсов, особенно пятёрки и шестёрки.

— Что ещё? Много детей?

А в голове мысль: иностранец-боксёр дал детям еду. Детям-инвалидам. Где-то в Краснодаре. На далеком для него Донбассе. А мы?

— Мы вам показали самых адекватных. Наверху лежат повыше вас, у нас же они тут до 18 лет. Так что нужны памперсы для взрослых... Многие только ползают, кто-то только лежит... Нам предложили многоразовые памперсы, но у нас нечем стирать. Порошков, да и вообще чистящих средств нет! Нам памперсы нужны, это просто необходимо.

Когда уходили, все «девчонки» выстроились в ряд. Стоят, улыбаются. Глаза влажные, кто-то носом шмыгает. Мне они все кажутся сказочно прекрасными.

Каждый раз, когдаходишь, не знаешь, что сказать. Эта заминка, когда тебе благодарны, а ты просто испытываешь чувство вины — за то, что уже через пару дней будешь в безопасности, а они нет. За то, что у них рядом падают снаряды, но они никуда не уйдут. А ты будешь в тепле и тишине.

Одна другую пихает локтем, подмигивает медсестре:

— Ну скажи им, скажи!

— ?

— Прокладки!

Медсестра:

— Да, вы знаете, у нас же девочки, у некоторых с 11 лет уже менструация. Нам бы...

— Да, для нас тоже!

Все смущённо захохотали, наши мальчишки отвели глаза.

Там работают одни женщины. Все мужчины, кто таскал коробки, кто на охране был, — это бывшие воспитанники дома.

«Почему все не уедут?». После первой поездки потеряла многих друзей. Даже не знаю, как это получилось, но мы перестали общаться. Вычеркнули друг друга из жизни. Для них я стала человеком, который своими репортажами разжигает войну. Для меня они стали лицемерами, которые не хотят видеть ужаса происходящего. Они не верили мне, но верили непонятным сообщениям в интернете.

Мой внутренний диалог с бывшими «друзьями» происходил долго. Да что тут говорить — идёт постоянно. Это, видимо, спор с какой-то моей второй частью, которая также сопротивляется и не хочет видеть правду.

В этой реальности нет войны, подвалов, нет брошенных стариков и ободранных зданий с едким запахом мочи. Здесь красивые рождественские ярмарки, улыбающиеся лица, пальмы и склоны гор. И нет ничего, чтобы портило красоту мгновения. Вечное «Лебединое озеро».

«За улыбку твою»
22 февраля 2015 года
Дневник

В прошлый раз мы случайно попали в Краснодонский интернат для детей-инвалидов.

Эвакуация таких детей в условиях бомбёжки в подвалы невозможна. А работают в интернате одни женщины. Ле-

том снаряды падали в 150 метрах от детского дома. Но никто из работниц не ушёл и не бросил детей.

Эти женщины — герои. Не бросить детей, остаться с ними без зарплат, под обстрелами мыть горшки, успокаивать их — только настоящие Люди на такое способны.

Помню, как кто-то написал в комментариях, что детей таких поздравлял в карнавальных костюмах. На что я парировала: «Мы и сами аниматоры, были бы костюмы». Через полчаса мне уже отписали, что костюмы у нас будут. А ведь я пошутила...

Когда позвонила Рубену и поставила его перед фактом, что мы будем делать шоу, он лишь жалобно протестовал:

— Я кроликом быть отказываюсь! Мне что-нибудь мужественное!

Женька на трассе Краснодар-Луганск в костюме овечки перед поездкой в интернет. Февраль 2015 г.

К отъезду я подготовила костюмы овцы, Карлсона и Белоснежки. И я борюсь с желанием это случайно забыть дома.

Мы себе не представляли, как и что будем делать. Но решили, что сразу, по приходу, должны будем удивить — грузить и носить прямо в образе.

Для пущей убедительности даже вышли перед въездом по дороге пройтись, чтобы, так сказать, привыкнуть. Рядом проезжал БМП — он чуть с дороги не слетел при виде нашей троицы.

И вот мы, подготовленные, отрепетировавшие роли, напугавшие полтрассы Краснодар — Луганск, приезжаем в детский дом. А там...

Карантин...

Мы стоим перед входом и понимаем, что все смеются.

Платье с меня постоянно сползает, открывая непристойное декольте. Впрочем, куртка снизу спасала ситуацию от полнейшего фиаско.

Мальчишки прямо в костюмах под неудержимый смех нянечек и медсестер грузили коробки.

Карлсон и овечка покорили весь женский персонал.

Детей мы не увидели, но постоянно чьи-то головы выглядывали из-за лестницы. А ещё чьи-то шаги, топающие по коридорам.

Детям было до умопомрачения интересно, что же там происходит. Но нас друг к другу не пускали.

Костюмы мы оставили дому для проведения праздников. Когда передавали, увидели перед собой не уставших сотрудниц, а просто радостных женщин.

8 МАРТА

В феврале Женя с Леной подбросили идею с поздравлением с 8 Марта. «Кто ещё поздравит всех этих женщин?»

К нам присоединился Женя — ещё один Женя. В записях он станет «Женей московским». Этот потрясающий человек стал неизменным участником всех остальных поездок. Дело даже не в его отзывчивости и равнодушии. Он всегда очень точно и метко подмечает людей. Это сканер и рентген, который помогал мне находиться здесь, на земле, и не улетать. А ещё московский Женя удивительно спокоен и всегда сохраняет равновесие.

«Всем лучшей счастья!»
25 февраля 2015 года
Дневник

Перед поездкой пришло письмо от замечательной Ольги.
— Дуня, я мыло сама варю, наверное, не нужно там? Мне бы хотелось специально для Донбасса сделать. Немного — 10 килограммов... Возьмёте?

— Берём!

Каждое запаковано, пахнет по-разному. Каждый кусочек со своим рисунком, орнаментом...

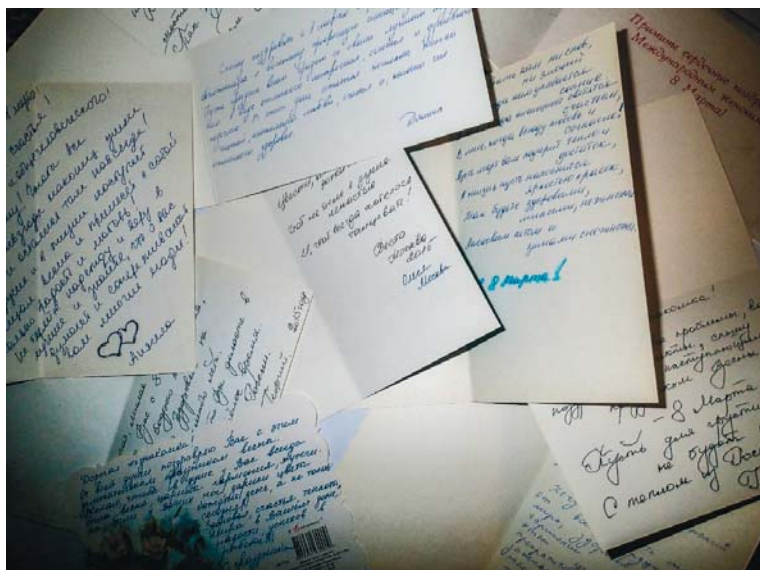
И вот у меня в руках две коробки счастья. Две коробки неравнодушия. Две коробки радости...

Мы подарили мыло вместе с открытками.

Слёзы? Счастье? Радость?
Нет таких слов в языке.

«Донбасс, с 8 Марта!»
19 марта 2015 года
Дневник

В Первомайск мы попали именно в этот день.
Город расцвёл.
Полуразрушенный, заваленный снарядами, он был залит солнцем.
И раскрасили его девушки, женщины.
Ольга Ищенко, жена убитого Евгения, продолжает дело этого большого Человека. Она теперь и. о. мэра города.
Мы поймали её в исполкоме с ребёнком. Во взгляде тяжёлая усталость и невыразимое горе.
Горе, которое не понять и не объяснить. Забрали любимого, друга, товарища, мужа, отца детей.
На этой хрупкой красавице держится весь город.
А женщины...
Какие всё-таки они красивые, счастливые были в этот день!
С трудом верилось в происходящее.
Мы ездили по городу, передавая еду в бесплатные социальные столовые. Без ставших привычными взрывов, казалось, что стоит тишина.
И весь город наводнили красивые, накрашенные девушки. Они стучали каблуками по изломанному асфальту, смотрелись в зеркала и улыбались.
Радовались и щурились от слепящего солнца.
Но застыло в глазах ожидание, словно это маленькая и короткая пауза между беспросветным адом.
Подарками в этот раз поучаствовало много людей. Оля специально наварила шампуней для работниц столовых.

Женя — моя московская подруга — подписала 50 открыток, причём каждое поздравление было лично от какого-то человека! Она собирала все эти поздравления по друзьям. Лидя, Лена, Маша и многие другие привозили шампуни, кремы, гели для душа, шарфики, наборы с косметикой, красивые пакетики, открытки — подарки для девушек. Не люблю слово «женщина», мне кажется, девушка — она и в 90 лет девушка. И никак иначе.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Сергей Владимирович К. особенный. Женька луганский называет его «дунькин любимчик». Встретили мы его случайно в апрельскую поездку в посёлке Хрящеватом, что недалеко от Луганска. Что тут сказать? Просто теперь на Донбассе у меня есть родственник.

«Один»
14 апреля 2015 года
Дневник

Дом полностью разрушен ещё в августе при артобстреле. Семьи нет, живёт один, в бараке...

Девчонки из сельсовета Хрящеватого помогали нам возить гуманитарную помощь.

— Он болеет давно, с ногами у него что-то. Гниют вроде. Не знаю.

Мы подъезжаем к одноэтажной застройке, а его дома нет.

— Далекое не уйдёт.

Сергей Владимирович шёл с одним сломанным костылём, перемотанным изоляцией. Еле шёл — вокруг камни, колдобины, ноги подкашиваются. Костыль тоже еле держится и подгибается.

А ведь электричества и воды нет.

Когда была маленькой, совсем-совсем маленькой, очень любила усатых мужчин. Папа никогда не носил усов. А мне

они жутко нравились. Всегда хотела, чтобы у него такие были. Помню, у подружки был молодой папа с усами, и я его обожала. Надо мной все шутили.

Когда увидела Сергея Владимировича, внутри всё перевернулось. Это было что-то оттуда, из детства. Какие-то именно те далёкие ощущения.

Мы заехали к нему к последнему — после многих других старичков, инвалидов и сотен страшных историй. Но именно встреча с Сергеем у меня в памяти сильнее всего.

Крохотная комнатка. Кровать, два стула, стол...

— Вы извините за беспорядок, холостяцкая жизнь такая.

И улыбается — невероятно обаятельно. Еле ходит, ноги подкашиваются. А переживает за беспорядок.

Один живёт, сам готовит. Воду ему носят, помогают соседки.

Но всё больше лежит: боли страшные.

В комнате прибрано, рядом с кроватью печка, на печке чайник...

— Можно вас сфотографировать?

Сергей Владимирович достал расчёску — она примотана к деревяшке. Видимо, так удобнее тянуться...

— Что с ногами?

— Прогрессирующий полиартрит. Запустил я его. Начался с 90-х годов.

Смотрит на нас.

— Вот, надо беречь себя смолоду. Ребят, а вы откуда сами приехали?

— Из Москвы.

— Служил там, в танковом полку. Я был командиром танка. Эх, Москва.

И улыбается.

Гордость в нём. Некоторые бабушки начинают рыдать, часто намеренно, пытаясь разжалобить. Сергей Владимирович совершенно другой породы. В нём благодарность

другая, она настолько искренняя и неподдельная, что сердце щемит.

Он рвался провожать, хотел дойти с нами. А ведь это невыносимая боль и тяжесть. А ещё этот костыль.

— Сергей Владимирович, мы ещё приедем.

Как приехала в Москву, написала Жене луганскому, чтобы он навестил Сергея Владимировича. И вот на другой день Женя пишет...

**«Плохие новости. Луганск»
22 апреля 2015 года
Дневник**

«Он позавчера упал с крыльца (ноги почти не держат) очень неудачно. Открытый перелом. Из бедра кость торчит. Барак без света уже 9,5 месяца. Мобилка разряжена. Позвать некого, еле дополз в комнату. Пролежал так сутки (!!!), пока его там не нашли. Врачи сделали всё, что могли, сейчас в реанимации. Мы посетили его и поговорили с врачами, те сказали, что в течение 10 дней будет ясно, удастся спасти ногу или нет. Повреждён нервный пучок и какие-то сложные сосуды (не запомнил). Оставил свой номер телефона, чтобы звонили, ежели что...»

Ребята сказали, что, когда сказали про меня, заулыбался... Через муки...

Врачи говорят, что шансы на ампутацию 50 на 50.

Как же так, Сергей Владимирович?

«Выжить среди руин»

2 мая 2015 года

Дневник

Он выжил, но ногу ампутировали и состояние стабильно тяжёлое. Температуры уже нет. Появился аппетит.

Самое печальное — непонятно, зачем жить. Какой-то беспросветный ад.

Свой дом уже не восстановить — ни денег, ни сил, ни здоровья.

Если он вернётся в барак, то его ожидает незавидная участь. Ни отопления, ни воды — ничего.

А теперь нет и ноги.

Воли жить толком нет.

Честно сказать, я не знаю, куда девать одиноких стариков, оказавшихся в таком положении.

И вот уже в мае мы в Луганске, и первое место, куда поехали — это в больницу к Серёже. Тогда звали его Сергеем Владимировичем. Сейчас для нас он только Серёжа.

21 мая 2015 года

Дневник

Почти сразу мы поехали в луганскую больницу к Сергею Владимировичу. Когда к нему зашли, он совсем не улыбался. Было какое-то грустное и беспросветное чувство.

— Куда ехать жить? Как быть?

Ноги не держат, постоянно лежит. Мы привезли тогда ему кучу сладостей и лекарств. Но он даже не посмотрел на гостинцы.

Я расстроилась. Стала ворошить пакеты и предлагать всё подряд.

— Что это?

— Маслины, не пробовали?

— Не знаю. Наверное, да. Забыл уже...

И уехали. А когда приехали во второй раз, решили его поставить на ноги.

Московский Женя притащил специальные ходунки на колёсах, разгребли все тумбочки — палата крошечная, пройти между кроватями сложно.

И Сергей Владимирович фактически первый раз после операции встал. На радостях не хотел садиться, хоть стоять очень тяжело и по факту оставшаяся нога — нерабочая...

Соседи по палате подбадривали:

— Владимирыч? Далеко? За пивом теперь будет гонять!

Но самое главное случилось именно в последний день нашей поездки — мы, а точнее Лена и Женя луганский, нашли, где ему жить!

Это гериатрический пансионат для ветеранов войны и труда. Мы связались с ними, и они согласились взять Сергея.

Пансионат шикарный. Красивые скамейки, беседки, всё чисто, отремонтировано. Был построен для ветеранов Великой Отечественной, ремонт успели сделать ещё до начала военных действий.

После нашего отъезда все вопросы, связанные с Серёжей, Женя и Лена взяли на себя.

«Теперь не один!»
19 июня 2015 года
Дневник

Когда мы уехали, у Жени с Леной начались проблемы. Чтобы Сергея Владимировича официально взяли в пансионат, надо было собрать кучу бумажек, сдать все анализы, сделать флюорографию.

Семь кругов бюрократического ада. И вот вчера наконец-то, когда мы чуть не опустили руки, его взяли!

Однако не всё так радостно.

Мы нашли Сереже инвалидное кресло, однако в ближайшее время будет решаться вопрос, насколько он сам может себя обслуживать. Сможет ли добираться до столовой и туалета. От этого будет зависеть, куда его положат, в какое отделение.

И, если он попадёт туда, где лежачие, ему будет тяжело-вато.

Сейчас всё в его руках, и он должен бороться. Научиться с одной ногой и полиартритом себя обслуживать.

И уже 6 июля луганский Женя написал мне письмо:

«Порадуйтесь с нами!»
6 июля 2015 года
Дневник

Сегодня мой друг, коллега-волонтёр из Луганска Женя опубликовал у себя в ЖЖ:

«Дуня! Женя (московский. — *Примеч. авт.*)! Хорошо-то как! Сегодня были у Серёжи. Честно скажу, ехал туда со

страхом и тяжёлым сердцем, что он не научится самостоятельно подниматься, и его оставят в ужасной, провонявшей мочой палате для лежачих... Какое счастье было увидеть его во дворе пансионата играющим в карты с другим постояльцем. Его перевели в двухместную комфортабельную палату! Телевизор. Привезём ему холодильник. Пахнет там так вкусно. Не у каждой хозяйки дома так вкусно пахнет едой. Привезли ему вкусняшек. Вам, ребята, огромный привет, тебя просил расцеловать и всё расспрашивал, когда ты приедешь. Сказал: «Она такая...»

«Новая родня»
29 июля 2015 года
Дневник

Сказать, что мы уже родные друг другу, — ничего не сказать. Мы приехали в пансионат, ставший его домом, не как волонтеры, а как родственники.

— Скучно только. Самым молодым за 70... А сосед вообще зануда. Серьёзный такой — и не пошутить.

Наш Серёжа очень веселый. И взгляд у него лукавый-лукавый. С прищуром.

Лена с Сергеем Владимировичем в этот раз резались по телефону в морской бой. Бой был очень суровый. Битва шла вровень до конца. У Лены руки взмокли, а Сергей Владимирович чуть из кресла не подлетал от напряжения. До последнего.

Выиграл!

А когда пошли на улицу гулять, по дороге встретили старичка 93 лет в инвалидном кресле:

— Серёж, родственники приехали?

— Ну да.

И улыбается.

Мы подумали и решили ему достать самый простенький планшет. Мы ему фильмов запишем. Да и вообще, он у нас голова. Тем более что достали ему очки.

— Владимирыч, да ты теперь профессор!

23 октября 2015 года
Дневник

Замечательная девушка Евгения купила для него планшет. И знаете что?

Когда мы приехали в первый день, Сережа с ужасом смотрел на него.

Но видно было упорство на лице.

У нас совсем не было времени.

Мы пришли с огромными тюками подарков — сладкое, консервы, пена для бритья, карточки для телефона... Я привезла даже игральные карты из Мальты в качестве сувенира.

Но нам надо было бежать.

Когда он подъехал на кресле к лифту, провожая нас, сказал: «Хоть бы этот чёртов лифт сломался».

И махнул рукой.

Не нужны ему были ни планшеты, ни сладкое, ни карты.

Мы ему были нужны.

— Фотографию свою принеси, а?

И мы принесли.

— Вот, всем буду говорить: доча моя.

На другой день, после того как он с тоской сказал про лифт, приехали к нему почти ночью. После жуткого дня — в тот день мы были в другом доме престарелых и детском доме. Он нас не ждал.

И первое, что мы увидели, когда пробрались к нему в комнату, — он играл в кроссворды. На планшете.

А ещё уже через полчаса фотографировал нас всех на память.

*Серёжа, Женя московский, Лена и я.
Июль 2015 г.*

Выяснилось, что он кмс по боксу. Был призёром чемпионата Украины.

Мы с ним сошлись. Хотя после того, как узнал про мои кмс по самбо и дзюдо, они с ребятами ржали надо мной до потери пульса.

Серёжа постоянно вставлял шпильки. Но так любяще, что мы всё время хохотали.

Все, кого мы встречали, улыбаются ему.

Каждый раз, когда хочется всё бросить, прекратить эти поездки, отчёты, головную боль, я вспоминаю о Серёже. Он меня ждёт.

РОДИТЕЛИ БЕЗ ДЕТЕЙ

Самое страшное в войне, когда дети и внуки умирают, а пожилые родители остаются. Это один из ярких маркеров — нарушается естественный ход событий.

*«Люба, Андрюша!»
28 мая 2015 года
Дневник*

— «Люба, Андрюша, Люба, Андрюша!». Кричу, а сама в доме с поломанными ногами лежу. А соседи сбежались и говорят: «Они уже погибли».

У Раисы Ивановны С. остался в живых только второй внук.

Половина дома разбита.

Плачет каждый день.

Когда мы только вышли из машины, чтобы отнести помощь, первое, что услышали:

— Детей привезли?

Потом женщина осеклась.

У входа в дом плакать начала.

— Вот прямо здесь и убило.

Показывает на место рядом со мной. А слёзы потоком льются и льются.

Только тогда поняла, почему она спросила про детей.

Пока Раиса Ивановна с контузией лежала в лутугинской больнице, тела дочери (40 лет) и внука (21 год) лежали воз-

ле входа. Лежали три дня, потом их захоронили в огороде, на кладбище было нельзя.

Перезахоронили уже позже.

Полдома разбито, хотя стену силами соседей восстановили...

Подобные истории стали уже частью жизни. Сколько мы их слышали, привозя помощь из дома в дом, из посёлка в посёлок на Донбассе?..

Сейчас пишу — и как будто вместе с Раисой Ивановной, летом, во время бомбёжки. И слышу:

— Люба, Андрюша! Люба, Андрюша!

Аэропорт в Луганске. «Трубы» на переднем плане — гильзы от снарядов

С Виктором мы виделись всего один раз. Он вряд ли вспомнит обо мне, как и многие из тех, у кого мы побывали. Мы просто привезли помощь и не ожидали услышать такое.

«За калиткой»
6 ноября 2015 года
Дневник

Виктор З. живёт в Первомайске, в районе Зеленхоза.

— 15 ноября, в районе семи часов я вышел за калитку, вдруг слышу: бух-бух.

— «Грады»?

— Нет, две мины пришли.

Разворотило всё вокруг. Будку, все пристройки, огород, шифер с дома посшибало.

Виктор показывает рукой, потом прокручивает и показывает кашу.

— Я захожу в огород, а там двери входные валяются. Холодильник кинуло в другой конец сада. Смотрю, жена лежит без головы.

Смотрю на него. Слёзы?

Нет, Виктор просто отвернулся. Но слёз нет.

Он показывает рукой на место, где жена лежала.

Потом резко развернулся:

— Рядом с домом куча. Я потом в ней сына нашел. Ногу оторвало. Валялась в другой стороне. Собаку тоже насмерть сразу.

У Виктора осталась дочка. Она в Первомайске.

Сам он живёт в четырёх километрах от пограничной территории. Через него все снаряды и летают.

— Давно били?

— Тихо в последнее время. В августе рядом совсем два снаряда от укров приходило.

Сыну Виктора было 36 лет.

Дом цел, хоть осколками сильно посекло.

Когда мы уходили, он не пошёл нас провожать.

Он просто молчал.

Я не знаю, сколько раз ему приходилось рассказывать эту историю.

Я не знаю его чувств и эмоций.

Но я знаю, что в его жизни есть один день и точный час.

15 ноября около семи часов часть его жизни ушла. И каждый час, каждый миг он ходит мимо места, где была его жизнь. Которая одномоментно испарилась. И он стоял рядом с нами, и его с нами не было. Словно бы от него осталась одна оболочка. А мы все топтались на том самом крыльце, вместо его любимых, которых он оставил за калиткой. Ещё я знаю, что пишу об этом и ни черта не понимаю того, о чём пишу.

ВОЙНА И СТАРОСТЬ

Пожилые люди, пожалуй, самая уязвимая группа людей на войне.

В домах, которые мы посещали, по большей части жили старики. Многие из них были совершенно одиноки, кто-то потерял всё — дом, детей. А ведь ещё есть и дома престарелых.

Эти заведения стоят особняком. Везде одна и та же проблема: люди брошены. Брошены своими же детьми. Под постами об одиноких стариках было много комментариев на тему того, какие подлецы их дети. Но статистика ужасающая и строга. Многие из комментирующих в подобной ситуации поступили бы также.

С середины 2000 года среди продвинутой молодёжи стало модно «зимовать» в теплых странах. Появился класс людей-дауншифтеров. Многие из этих баловней судьбы сдавали свои однокомнатные квартиры, и на эти деньги отправлялись в страны третьего мира. Высокие цены на недвижимость в Москве и Петербурге позволяли им месяцами бездельничать и наслаждаться красотой океана.

Один мой знакомый на протяжении последних лет жил везде — на Бали, в Таиланде, Индии. Он занимался «духовным просвещением», не ел мясо и постоянно медитировал. А дома у него осталась одинокая мать. Которая ждёт своего сына и скучает по нему. Она с трудом ходит, но сама покупает хлеб в магазине. Стара, но пока способна делать все самостоятельно. Ни любитель медитации, ни его окружение не видят в этом проблемы. Не задумываются и люди, которые уехали с Донбасса, оставив там своих родителей.

В домах престарелых живут старики, брошенные своими детьми задолго до войны.

Первомайск

**«Жду ответа»
31 июля 2015 года
Дневник**

— Что читаете?

— Испанскую литературу люблю.

— Хотите конфету?

Юрий берёт конфету, закрывает глаза и начинает беззвучно рыдать.

Я беру Юрия за руку.

— А вы кто по образованию? Расскажите, интересно же!

У него ясный и чистый взгляд. Он ведь совсем молодой — Логинов Юрий, 51 года рождения, но уже лежащий больной, который совсем не может себя обслуживать. Памперсы и пелёнки...

У него нет никого в этом мире. К нему уже давно никто не приходит. Только книги его друзья.

— Я инженер-звукотехник.

Он первый, кого я увидела здесь с книгой. У него большие очки и тихая грусть.

— Вы откуда, ребята?

— Мы из Москвы.

— А у меня две двоюродные сестры из Москвы, — и называет их точный адрес вплоть до номера квартиры.

Ясное сознание.

— Юрий, а напишите мне письмо! А я вам напишу! Договорились? Расскажите мне про себя, а я вам про себя. Будем переписываться?! Я вам в следующий раз книг привезу!

Юрий закрывает глаза руками и начинает плакать.

Не выдерживаю, ухожу. Потом возвращаюсь:

— Вы меня не подведёте, напишете письмо? А то нам уже бежать надо.

— Адрес, дайте адрес!

— Оставьте письмо нянечкам, они передадут. Сейчас почта не работает. Я их предупрежу.

А он плачет и плачет.

Мы ушли. Потом ко мне нянечки подходили несколько раз — говорят, он на уши поднял весь дом: просил дать адрес, всё боялся, что письмо его до меня не дойдёт.

Прошло несколько дней, но он со мной всё это время. Я уже написала письмо и передала. В следующий раз привезу ему наши с ним фотографии, а ещё фото моей дочки.

Юрий, жду ответа.

Длинные коридоры, драные стены, едкий запах и бесконечные одиночество и боль.

— Ведь у большинства есть родственники?

— Да, но они почти не приезжают.

А их отцы, бабушки и прабабушки тихо угасают в этих стенах.

Они бродят по коридорам, словно привидения, не нужные никому. Даже самим себе.

Они рядом с нами, и мы сами виноваты. Мы — те, кто сдаёт родителей в дома престарелых. И живёт своей жизнью, налаживает дела, растит детей. У которых всё впереди.

После публикации мне посыпались письма и открытки.

«Круговорот добра»
2 октября 2015 года
Дневник

— Нам, пожалуйста, что-нибудь из испанской литературы.

— Хм. Борхес?

— Нам жизнерадостного надо. Есть «Дон Кихот»?

— А вы кому дарите?

— Мы в дом престарелых везём. Одному старичку. На Донбасс.

И книжный закипел. Почти все продавцы бросили всё и пошли искать нам книги.

Мы ворвались в дом престарелых на огромной скорости и с ужасным шумом.

— Нам Логинова Юрия, пожалуйста!

Я иду напролом. Руки до пола оттянуты пакетами.

Пакетами писем и открыток со всего мира — Германии,

Штатов, Австралии, Турции — для старичков и для Юрия персонально. А ещё книгами.

Сзади идёт Женя Луганский с тюками пирожных, конфет и пряников и пытается остановить мой паровоз.

Но куда там — угли уже засыпаны, и дым валит изо всех щелей.

Медсестра разводит руками:

— Где Логинов лежит? Даже не знаю.

— Я знаю — на втором этаже. Ведите нас. Налево.

Юрий был как в прошлый раз — с книгой.

— А мы к вам в гости. Помните меня?

Юрий не сообразил. А точнее, просто обалдел.

Я плюхнулась на пол рядом с его кроватью и начала вынимать письма. Письма, которые написали специально для него.

Вокруг образовался ковер открыток, веер распечаток, и надо было куда-то уложить все эти конфеты и пирожные. А ещё надо рассказать про книги.

— Вы английский знаете?

Юрий, прикованный на вечность к этому месту, не имеющий никого и живущий давно своей внутренней жизнью, просто выпал из происходящего.

— Нет, я немецкий когда-то хорошо знал.

Два образования никуда не денутся.

— Ну как же так? Мне вот немка прислала письмо на английском.

— Переведите, пожалуйста. А можно булочку?

Юрий разговаривает фантастически интеллигентно. Слово профессор университета в его стенах. Мне как-то и неловко за свои вечные жаргонизмы.

Прямо там, на полу, начинаю читать письма со всего мира.

Голова идёт кругом. Потому что слёзы стоят в глазах. А я читаю и читаю.

Одна открытка, вторая.

Господи, люди, вы себе не представляете, что вы сделали своими письмами.

Пока я устраивала на полу беспорядок, в комнату на инвалидном кресле въехал сосед Юрия.

Делаю знаки медсестре. Она полушепотом:

— Это Шаргородский Иван Иванович.

Я хватаю открытки Кордулы — замечательной женщины из Германии. Она прислала шоколадки и письма, в которых трогательно написала по-русски через интернет-переводчик о «приветах из Фрейбурга дорогому дедушке».

— Иван Иванович, а вам тоже письма.

Иван Иванович растерялся и мягко улыбнулся, пока его руки набивали сладостями, которых в доме престарелых просто не бывает.

— Ой, спасибо.

А ещё у меня был с собой ворох самодельных открыток из московского психоневрологического интерната № 18. Женя Бирман передала их для старичков. Все открытки разные, подписанные. Цветные бумажки, вырезки из газет. Видны нестыковки, как их переклеивали много раз, потому что сразу не получался ровный шов. Вырезаны красивые девушки, самолёты, цветы, арочки из бумаги. Открытки разукрашены. Сделаны с большой любовью и отдачей.

Когда у Евгении (которая купила планшет нашему Сереже) спросила про интернат, она ответила:

«Пару лет назад мы как-то организовались группой волонтеров ходить туда в выходные и делать для ребят, что можем. В основном это общие занятия: рисуем, лепим, книги читаем, литкружок. Летом просто на улице играем в подвижные игры, есть индивидуальные занятия с теми, кто может. Я, например, с одной девушкой математикой занимаюсь, иногда вывозим погулять тех, кому разрешается выходить. Ну и ещё оказываем посильную помощь самому ПНИ, так сказать, представляем грубую рабочую силу. Заборы красили со скамейками, цветы сажали, праздник организовываем. Ребята там живут взрослые, всех возрастов начиная с 18 лет. У некоторых есть родители или родные, которые их навещают, кто-то — сироты и всю жизнь в си-

стеме. В общем отделении содержатся люди с различными особенностями развития. Но не тяжёлые, все коммуникабельные в разной степени, но есть прямо совсем умнички, только поведение нарушено просто потому, что они не знают иной жизни».

Вот такие есть замечательные волонтеры в Москве — и они привлекли к помощи этих ребят для передачи открыток брошенным старикам Донбасса. Я выслала фотографии для Жени Бирман — она ответила мне просто и коротко: «Ура! Распечатаю и принесу своим ребятам. Как же здорово».

И эти открытки добрались до дома престарелых в Ровеньках.

А ещё есть одна девушка, её зовут Галя. Она редактор журнала. И живёт в Турции. Она любит море и погружаться в него. Как и я. Она отловила меня возле метро с пачкой писем: «Передайте для старичков». Галя — красавица с тремя детьми — написала потрясающие письма. Я подло их все прочитала, ибо конверты были не запечатаны. Они просто потрясающие. Все разные, ни одно не повторяется. Все неравнодушные. Каждое с душой.

И все эти открытки и письма мы передали туда. Раздали, конечно, не всё сами — времени просто физически не было, многие днём спали, кто-то гулял. На самом деле писем было много. Некоторые на английском языке, и мне приходилось переводить. Некоторые присылали по электронной почте — и мы распечатывали их на принтере.

Перед отъездом из дома престарелых медсестра повела меня в комнату Зинаиды Андреевны. Ей всего 69 лет. Честно говоря, я даже не поняла, как она там очутилась — приветливая и бодрая женщина. Ей бы свой огород пахать и внуков вареньем закармливать.

У неё есть сын — он сдал её сюда и не навещает. Просто не появляется. Может быть, уехал с концами из региона...

В доме она уже четыре года.

Поговорив с ней, я уже было собралась выходить, как в комнату вошел мужчина.

Думаю: так... Как это? Мужчины и женщины содержатся вроде отдельно.

Пока думала, мужчина подошёл ко мне:

— Дунечка, ты меня не помнишь?

Так тихо и ласково — по-отечески.

Точно! В прошлый раз он нам помогал разгружать сладости и памперсы!

Вспомнил не только мое лицо, но и имя.

Это оказался её муж — Николай. Ему 70 лет.

Они познакомились здесь, в доме престарелых. И полтора года назад расписались. Она взяла его фамилию.

У него тоже есть сын. Который тоже об отце не вспоминает.

Но теперь Николай и Зинаида вместе.

— Можно вас вдвоём сфотографировать?

— Сейчас, я причешусь, подождите, Дуняша! Коля, снимки повязку!

Они засуетились. Коля ей ласково:

— Зиночка, ты у меня и так самая красивая!

ОТЕЦ

На самом деле каждая моя поездка — это мой отец. Он один из самых отзывчивых людей на земле. Он не мог пройти мимо ни одного упавшего, ни одного замёрзшего или бомжа. Он вечно забирал из дома матрасы и одеяла. Как-то он отдал свою куртку замерзающему нищему. Сейчас он слабо понимает, что происходит.

*«Такая старость»
5 февраля 2016 года
Дневник*

Дома лежит отец. Последние полтора года он полностью обездвижен. Лежит, маленький, худенький, словно младенец. На лице морщины почти полностью разгладились и теперь растёт окладистая борода. Папа всю жизнь брился. В детстве обожала мужчин с усами — такой казачий образ. Но папа всегда был гладко выбрит. Сейчас у него седая борода и огромные, ясные синие глаза. Таких глаз нет ни у кого в мире. Кто видел, тот знает. Он лежит на боку, и мы его поднимаем и опускаем специальными рычагами на кровати. На его спине пролежни, и по телу можно изучать анатомию...

Папа гениальный человек. Талантливейший редактор, писатель и поэт, которого никто не знает...

В своё время он сказал, что, если я не буду писать, буду дурой.

Он до сих пор блоками читает по памяти стихи, но в основном уже плохо понимает происходящее.

Каждый текст пытаюсь примерить — что бы папа сказал?

Он непременно бы разбил в пух и прах. Сказал бы, что жутко безграмотная.

Но он верил в меня, как никто. Хотя разрезал бы на мелкий новогодний дождь каждый пост.

Честно говоря, пост-то и не о нём.

А про один из домов престарелых на Донбассе. Посреди войны, холода и неизвестности.

Но каждый мой текст — это папа.

Каждый поход по этажам с лежачими — это папа.

Каждая бабушка, которая говорит о КГБ или шпионах, — это папа.

Все эти этажи боли, безумного одиночества — это папа.

Но папа лежит дома.

У папы есть мы — братья, внуки, мама.

А вот старикам из гериатрического интерната в Луганске, в котором лежит наш Серёжа, некуда деться. У Серёжи усы, как те, о которых я мечтала в детстве. Серёжа лишился ноги, его дом полностью разрушен. И ему некуда деться в этой жизни.

И, если начнётся бомбёжка, лежачих не успеют спустить в подвал... Да и колясочники могут не успеть.

А ведь полтора года назад несколько снарядов приходило к ним на территорию. Стекла выбило, несколько деревьев сломало. Но в здание не попало. Никаких боевых частей рядом не было, один лишь лес.

Только я могу папе стричь ногти. Ни мама, ни братья — никто.

Его руки зажаты, их невозможно разжать даже клещами. Кладу кисти в ванночку с тёплой водой и потом каждый палец отгибаю. Один за другим. Иногда случайно срезаю кожу, и течёт кровь. Папа кричит и ругается на меня. Мама всегда рядом шутит, и папа начинает смеяться.

А ещё он до сих пор читает свои стихи. Тяжело подбирая каждое слово, мучаясь — но это его главная отрада.

Папа прожил необычайную и насыщенную жизнь.

Он всегда был невероятной красоты человеком. Один на миллион. Боже, вы бы видели его в молодости!

А ещё был спортсменом, чемпионом.

Про папу можно писать десятки томов-мемуаров. Папины стихи — отдельная тема.

Часто медсёстры в домах престарелых на лежачих машут руками. Мол, выжившие из ума старики.

Так оно где-то и есть. Но и не так.

Большую часть времени папа пребывает в другом мире.

В том его мире он необычайно силён. Он гуляет по паркам, путешествует.

Господи, ведь он был чемпионом, он был самым сильным!

И ведь не как у других, чьи родители были сильными, просто потому что они родители.

Мой папа был феномен. Он прыгал с места через четыре стула! Он прошёл в Литинститут без экзаменов, как спортсмен.

А ещё он объездил всю Россию с палеонтологическими экспедициями. Где только он ни работал: и на заводах, и в котельных, и журналистом, и сценаристом, и мойщиком окон.

А сейчас он иногда кричит, что море намочит ему ноги и Путин был у него в гостях.

Дедушка в пансионате совсем глухой. Он почти ничего не понимает из того, что я пытаюсь ему рассказать. Всё кричит мне в ухо:

— Что это? Что? Не понял? Повтори!

Я говорю ему, что это открытка из Турции, от Гали — девушки, которая погружается в подводную гладь и которая очень хотела его поздравить с Новым годом.

Папа тоже часто не слышит. Повторяет по сто раз одно и то же.

Они с мамой научили меня плавать настолько далеко от берега, что по дороге встреченные рыбаки лишь крутили пальцем у виска. Заныривать в любой шторм и не бояться открытой воды, в которой хочется раствориться.

Иногда папа настолько точно и правильно отвечает, что у мамы катятся беззвучные слёзы.

Он без конца зовет маму или меня. Иногда его крик становится жутким фоном. И если в этот момент к нам приходят люди, они в шоке стоят на пороге и не понимают, почему мы не несемся к отцу.

А он может звать миллиарды раз за день. Просто так.

— Оля! Дуня!

Это мой самый тяжёлый пост.

Простите меня...

Папа, прости.

Я ведь опять написала кучу лишнего и с тысячей ошибок...

Помимо домов престарелых, есть масса старичков, которые с трудом себя обслуживают, но пытаются жить сами. Побывав у многих из них, я в какой-то момент не выдержала. Меня взяла жуткая злость на всех детей.

«Отцы и дети»
24 мая 2015 года
Дневник

Тётя Галя — знаменитость. Её и её дом показали по телевизору.

Хотя, что это я?

По телевизору показали десятки домов из её родного посёлка. Въезжаешь в Чернухино, сейчас всё зелено, цветёт. А за деревьями прячутся руины. И не видно их — руин. Кажется, всё не так уж плохо.

Чернухино стало известным на весь мир этой зимой. Недалеко от Дебальцево, что тут добавить?

Тётя Галя еле сходит по ступеням своего дома.

Хлипкая доска-порочень у входа. Страшно опираться.

— Тётя Галь, куда гуманитарную помощь отнести?

Бабушка совершенно потерянная. Глаза спотыкаются на всём, блуждают.

Дом разбит, крыши местами нет. Топит углём.

— Ребят, а можно рубероид или что-то для крыши? Спросите у начальства вашего?

— Мы не фонд, мы сами собираем. Стройматериалов у нас нет. Но постараемся узнать. А дети у вас есть?

— Один умер. Ещё до всех событий.

— А второй?

— Он далеко. В Павлограде.

— Помогает?

— Как? Война же.

— Ни разу ничего ни с кем не передал?

Молчит. Мне стыдно. Боюсь спрашивать дальше, а она сидит рядом, и видно, что не хочет верить в происходящее.

Мои кулаки сжимаются. Далеко. Война. Чёрт подери, это твоя мать!

— Ни разу. Но ведь не проехать ему. Да и опасно. И не передать.

Тётя Галя, не могу, не могу вам ничего сказать в лицо. Пусть будет так — далеко. Война. Не передать.

Напротив тёти Гали живёт баба Зоя.

Ей 83 года, и она живёт одна. К ней приходит младшая сестра, и они частенько ругаются. Спрашиваю у местных:

— Дети есть?

— Да, одна дочка умерла, вторая где-то за границей.

Баба Зоя ходит очень тяжело. Несколько минут шли от калитки до её кухни, чтобы занести помощь. Подпирается двумя палками. Дома обстановка тяжёлая, запах, грязь. Женщине очень тяжело просто ходить, не то что вести хозяйство...

— Баб Зой, а где дочка живёт?

— Не помню. За границей.

— Помогает, присылает деньги, помощь?

— Нет, конечно, что вы! Она же далеко, а у нас здесь война, сложно ведь!

— А через кого-то?

Вдруг осеклась. Зачем, зачем это брякнула?

Баба Зоя несколько не смутилась, она вообще очень позитивная и улыбчивая женщина:

— Ой, ну куда ей? Она же совсем далеко. Зато она меня по телевизору видела, звонит, говорит: «Мам, видела тебя!»

Можете себе представить, что она видела по телевизору? Коридоры из людей — «дорога жизни», бомбёжка прекращающаяся, растяжки на жилых домах... И «двухсотые», «двухсотые», «двухсотые», как говорят военные.

Когда мы уходили, Баба Зоя вдруг:

— Ой, вспомнила, в Канаде живёт!

— А дети у неё есть?

— Конечно, внучка у меня. Там тоже живёт.

К сожалению, такие истории там не редкость. Когда дети просто бросили своих родителей и ничем не помогают. Решают свои проблемы у себя дома. Сложно же. Далеко. Война. Не передать.

На Донбассе осталось очень много пожилых. Упёртость некоторых не знает границ. И многих дети просто не смогли вывезти. И вставал выбор: либо оставаться с родителями, либо спасать себя и своих детей. Осуждать нельзя.

После этой публикации многие мне написали, что зря я так на всех накатила. Другие, наоборот, гневно выражали мысль, что, мол, родители сами так воспитали своих детей, вот и получают результат.

Тысяча причин, почему не смогли вывезти родителей. Родители были хорошие, но дети поступают по-разному. Сложные психологические взаимоотношения, которые не описать ни в маленькой, ни в даже очень большой статье.

Нельзя вдруг взять и раздать людям ярлыки. Многие гневающиеся даже не подозревают, что если рядом с ними зашвистит «Град», они позабудут обо всём на свете. Не только о своих родителях. Не догадываются, что могут совершить любую подлость, лишь бы выжить. Но, сидя в тепле и уюте, они думают о себе очень хорошо. Как и я, подчас слишком много берущая на себя.

Как бы я поступила, если бы мать и отец упёрлись? И шёл массированный обстрел, а у меня дочь?

Первомайск. Январь 2015 г.

А ещё есть старики, у которых никого не осталось, им деваться уже совсем некуда. Часто мне пишут, зачем я еду помогать старикам туда, если и у нас своих брошенных хватает? Ответ лежит на поверхности: потому что старикам Донбасса в тысячу раз хуже, чем нашим. Потому что во время бомбёжки многие из них просто физически не успевают дойти до подвалов и бомбоубежищ.

Они переживают обстрелы, лёжа на полу, накрывшись подушками. Некоторые сидят в ванной или в дверных проходах, чтобы стёкла не посекали их насмерть. И почти все говорят одно и то же: молодость с одной войной, старость и смерть — со второй.

ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАТ

Среди длинных цепочек историй и людей, которые не могут никуда деться из зоны боевых действий, отдельно стоят люди нездоровые. Нездоровые психически. Мы не помним об их существовании. Психи — кому они нужны?

В моей жизни они тоже были где-то там. Далеко за чертой. А война вдруг подвела меня к этой черте. Хотя война и политика к их бытию не имеют никакого отношения. Эти люди просто вне подобных рамок. Но они люди. И они хотят жить. И они могут оказаться расходным материалом в политической игре. «Сами виноваты. Надо было уезжать» — эта фраза, которая стала мантрой, стала ужасом. И вот на неё ответ.

В подобных интернатах своя жизнь. Свои взаимоотношения. Бывает, что там люди сходятся и живут парами. Они любят, прощают.

*«Тожже люди»
24 августа 2015 года
Дневник*

Мы въезжаем на бусе на территорию интерната.

Впереди бежит молодой человек и показывает, куда ехать, делая знаки руками: мол, следовать за ним.

По походке парня подумала, что что-то не так. Но Женя луганский, уставший от каждодневного руления, таскания, закупок-погрузок, поехал вслед. Пока мы кружили по территории, стали подтягиваться разные люди.

— Сигареты есть?

Они бегут рядом с машиной, мы же ищем вход, не успевая остановиться и ответить.

У непонятого хозблока на стуле сидит полная женщина в белом халате.

Она почему-то нас спрашивает:

— Вы из похоронного бюро?

— Нет, мы гуманитарную помощь привезли.

— Вам туда.

И показывает в сторону противоположную той, куда нас вели.

Юлия Петровна, и. о. директора интерната, оказалась молодой и красивой девушкой.

— Пойдёмте, покажу, что у нас тут где.

— Давайте мы, может, сразу всё выгрузим?

Интернат большой, и «воспитанников» много. На улице только мужчины. Всех возрастов. Пока разговаривали, они нас обступили со всех сторон.

— Можно сфотографироваться? А меня сфотографируйте?

Почти все, кто подходил, спрашивали либо деньги, либо сигареты, либо сладкое. И все, завидев фотоаппарат, мгновенно начинали позировать.

Вокруг меня образовался улей.

— А покажите фотографии?

И радуются, как дети, увидев себя на маленьком экране. Хотя, пожалуй, им был интереснее сам процесс.

В интернате лежат шизофреники, эпилептики, мужчины и женщины от 18 лет, страдающие различными отклонениями — как умственными, так и физическими. Спектр широк, от лежачих до вполне вменяемых в определённой степени людей.

— У нас много детей из краснодонского интерната.

— Мы хорошо знаем этот интернат. Привозили несколько раз помощь.

По достижении 18 лет дети-инвалиды, которые не могут себя обслуживать, отправляются в дом престарелых либо, если имеют умственные пороки, в подобные психоневрологические диспансеры.

Многие из них неагрессивные. Добрые и ласковые, как маленькие дети.

— Скажите, а что у вас с лекарствами?

— А ничего. Их просто нет. Есть, конечно, анальгетики, жаропонижающие. Но ведь у нас должны быть специальные препараты, которых здесь вообще нет. На Донбассе нет. Некоторые нужно принимать постоянно.

— И как же?

Тут уже засмеялись все. И ещё более обречённо.

— А никак. Так и живём.

Они люди, пусть и другие. С живыми и искренними эмоциями. И многие из них гораздо лучше некоторых моих знакомых с высшим образованием и престижной работой. Они любят сладкое, которого у них сейчас не бывает, кое-кто любит курить, и многие из них никогда не сделают подлости ближнему и уж тем более любимому человеку.

Война рядом с ними, и, если начнутся массированные боевые действия, идти им некуда.

Поразительны и отдельные истории этих людей. В Славяносербском психоневрологическом интернате мы случайно заглянули в комнату к одной женщине. Ирине.

«О любви»
19 января 2016 года
Дневник

— Я кошке печенье только дала, а оно как бабахнуло, и кошку оглушило. Я не пойму, то ли кошку спасать, то ли самой садиться на коляску. Я так испугалась.

Ирина М. живёт в психоневрологическом интернате в Славяносербске. В трёх километрах от линии границы. В комнате следы от осколков. Порван тюль. Но стёкла уже вставлены. Интернат находится в трёх километрах от границы с «украинами».

Говорит она с трудом — почти вся парализована. Руки скрючены, слова даются с большим трудом. Но она пытается всё время улыбаться.

Смотрю — в ногах лежат спицы и кусок связанной полосы.

— Что это?

— Это наша Ира ногами сама вяжет.

— Ногами?

— Ирочка, расскажи, ты чем вяжешь?

— Пятками.

Каждое слово для Ирины пытка. Но она очень хочет говорить.

Рядом лежит кукла в вязаном костюмчике.

— Куклу Ира обвязала сама.

Ирину никто вязать не учил. Научилась сама, глядя на маму.

— Ира у нас так любит наряжаться, да, Ирусь?

Ирина улыбается, кокетничает. Женщина, настоящая женщина. На пальце кольцо, вокруг игрушки. На полочке дезодорант и розовая в цветочек глянцевая косметичка, наполненная женскими радостями.

— Люблю.

И очень смущается.

— Вы когда в следующий раз приедете с гуманитарной помощью, привезите ей шерсти, она так будет рада!

Новосветловка

— Обязательно привезу.

Сёстры меня хватают:

— Пойдёмте, мы вас дальше проведём.

— Можно, ещё чуть посижу?

От Ирины уходить совершенно не хочется. Может быть, это розовая кофточка с трогательными детскими рюшами, может, эти ноги со спицами.

Ирина всё время продолжала набирать петли ногами. Её стопы смотрят в разные стороны, но невероятно бойко разводят нити и двигают спицы. Пальцы же рук скованы.

Она еле перебирает слова.

Вдруг сестра хлопает себя по голове.

— Ирина, ты же у нас стихи пишешь! Прочитай!

И Ирина прочитала.

Я присела на корточки рядом с кроватью, чтобы было лучше слышно.

Диктофон не подвёл, записал. Но фразы теряются, слышны лишь обрывки. Лицо скованное, и это надо видеть.

Ирина смотрит в упор:

«Я уйду к тебе с ...

Это круг какой-то заколдованный.

Я люблю тебя всё сильнее и сильнее.

Говорят, ты ведьма лесная».

Дальше разобрать стихи было очень сложно. Она проглатывала слова, и они путались.

Ирина преобразилась. Глаза засверкали. Она словно бы признавалась в любви кому-то неведомому, стоящему рядом.

БЕЖЕНЦЫ ВНУТРИ ДОНБАССА

Наступает момент, когда начинаешь различать людей, которым помогаешь. Честно говоря, отрицательные примеры встречаются чаще. От этого и положительные впечатляют сильнее.

Фразы, что добрых и хороших людей много, пустые. Потому что на деле нет ни хороших, ни добрых, ни плохих, ни тем более злых. Есть лишь обстоятельства. А ещё есть те, кто что-то делает не взирая на обстоятельства. Превозмогая себя и свою природу. Давя в себе гадёныша.

Мы почему-то ожидаем от людей геройства там, где сами не способны его совершить. Геройство часто состоит не в разовом акте, а в каждодневной рутине, где главное — не потерять человеческое лицо.

Осенью мы познакомились с одной интересной семьёй из Первомайска.

***«Ты настоящий»
27 октября 2015 года
Дневник***

Нуждающиеся бывают разные.

Бывают наглые, которым все должны.

Бывают размазывающие напоказ слёзы. Некоторые в этом вопросе стали профи. Была одна такая в бомбоубежище Первомайска. Когда давно бомбить прекратили, всё си-

дела и сидела в ожидании телевизионщиков и мешков еды в сыром подвале. Жила в нём, хотя её дом не пострадал.

Эту даму видела каждый приезд — и каждый раз одна и та же шарманка. «Родненькие, спасители!» Поклоны, нытьё — отработанные ходы раз за разом. Почти во всех репортажах и съёмках всех телеканалов и газет про Первомайск она звезда. Что надо — скажет, где надо — поплачет.

А есть другие.

Миграция внутри самого Донбасса сейчас обычное явление. При массированных обстрелах, как то: в Дебальцеве, Углегорске, Чернухине, Первомайске и др. — люди массово бегут кто куда. Если есть к кому уехать в Россию или Украину — едут. Но чаще всего деваться некуда. И едут в ближайшие города. Да, едут и знают, что может снаряд настичь и там. Часто, если дом свой уцелел, просто возвращаются.

Артём со своей семьёй переселился из Донецка. Его сыну Вове всего два месяца. Артём с пасынком 11 лет и женой бежали зимой из ДНР. Оставшись без дома, без документов, без всего — спасали свою жизнь.

Волею судеб попали в осадный Первомайск.

Там им дали жильё.

Артём — молодой суховатый парень.

Очень скромный и улыбочивый. Явно не ожидал помощи.

Жена не стала ничего просить. Про то, что они живут без пособий и всего остального, я узнала лишь, когда вышла из квартиры. Ведь у ребят нет документов, поэтому и получать выплаты на ребёнка пока не могут.

Первое, что спросила у него Оля Ищенко:

— Что-нибудь делаешь?

— Электриком ещё с зимы работаю. В школе.

Оля поджала губы:

— Молодец.

Поясню. Куда бы мы ни приехали, часто слышим, что работы нет, ничего нет, денег нет.

Это всё правда. И вот ещё одна правда.

Артём с беременной женой попали в Первомайск. Добрые люди, по согласованию с хозяевами, дали им ключи от квартиры. Таких историй много — когда люди уехали, оставив ключи соседям. И эти дома и квартиры иногда занимают переселенцы, оставшиеся без дома.

Артём пошёл на работу.

Пошёл ещё зимой. Когда всю Первомайск обстреливали.

Первые зарплаты пошли лишь летом.

И он работал. Бесплатно.

Сколько раз слышала нападки на Олю от разных людей: «Работу дайте!». И сколько раз слышала ответ от неё:

— Приходите, нам не хватает людей.

В ответ:

— А какая зарплата?

А есть Артём.

Артём, ты настоящий. Спасибо тебе.

В январе 2016 года, когда заедем к ребятам, чтобы завезти вещи, узнаем, что Артём устроился дополнительно работать сторожем на ночь в детском саду. Вова подросток, а старший Богдан схлопотал тройку по физкультуре. Они завели котенка Мотю, а на окне начали выращивать лук. Дома у них хоть и скромно, но очень приятно.

III. РЕПОРТАЖИ

Мои поездки — это репортажи. Перечитывая их, вдруг поняла, что всё забыла. Психика очень быстро прячет самое неприятное, оставляя в памяти лишь то, что ей угодно. Самые важные подробности исчезают. И наоборот, вдруг вспоминается что-то, и удивляешься — почему не записала?

Вдруг заметила, что от текста к тексту стала писать по-другому. Изменялась сама вместе с ними. Читая первые репортажи, усмехаюсь и думаю: здесь бы написала по-другому. А здесь нужен другой оборот. А почему не вставила сюда этот диалог? Будто заново прожила сама с собой дорогу по Донбассу.

Многие неприятные вещи не получается написать, потому что участники могут прочесть. С одной стороны, это неважно, но, с другой — можно подставить хороших людей.

Как-то приехали в один из домов престарелых. В здании стоял смрад и было очень грязно. Такого ужасного ухода не видели нигде. Знакомые, знающие этот дом, сразу сказали, что там всё разворовывают сотрудники. Мы все упаковки подгузников, которые привезли, подписали маркерами: «Гуманитарная помощь. Не для продажи». В одной из комнат пожилая бабушка сказала шёпотом, что памперсы распродадут поштучно. А когда дарили конфеты старичкам, они сразу рвали пакеты и начинали судорожно есть, боясь, что отнимут. Некоторые прятали их под подушку.

И ведь у воровующих наверняка были сотни причин и оправданий тому, что они делают. Схвати их за руку, они бы ещё и тебя сделали виноватым. Броня, которую не пробить.

Они кроют матом за воровство местную власть, которая выделяет им крошечные зарплаты и пенсии, а потом тихо идут и отбирают у стариков последнее.

Вы думаете, на их месте поступили бы по-другому? Даёте руку на отсечение?

Поберегите себя. Жизнь непредсказуема.

Углегорская школа

Статьи и зарисовки из блога стали регулярно переводить на английский, немецкий и итальянские языки и публиковать на разных ресурсах. Для некоторых иностранцев мои подопечные – Вика, Сережа – стали родными. Например, Юрию Логинову из ровеньковского дома престарелых одна немка все время шлёт подарки.

У меня появились постоянные читатели, которые следят за блогом. Иностранцы, совершенно не знающие русский, переводят тексты через гугл-транслейт.

Стефан, один из англоязычных комментаторов, написал письмо после грустного поста из Крыма, где я услышала звуки грома и вздрогнула, подумав, что это приходы снарядов. «Если вы сегодня грустны, скажу, что у меня есть усы!». Усы — это отсылка к истории о Серёже. «Улыбнитесь и не грустите!»

А ещё у меня есть один постоянный читатель из США — Крис. Он называет меня «профессор Евдокия Андреевна». Он участвует в каждом сборе помощи и переводит немалые суммы. Он уже стал родным и всегда отписывает про мои житейские записи ехидные комментарии. Другой читатель, Джон из Техаса, кроме как «наша дорогая Дуня» меня и не называет.

Именно читатели и равнодушные люди помогают двигаться вперёд. Поражает, что для многих людей, которых ничего не связывает с нашей страной, Донбасс стал родным. Многие знакомые и друзья переводят деньги, часто просят это не афишировать. Но большинство — это неизвестные мне люди.

Разные люди. У одной девушки погибла дочка, у другой ребёнок — тяжёлый инвалид. Одна женщина находится на диализе и стоит на очереди на трансплантацию почки.

«Дуня, здравствуйте! С Вашего позволения буду называть Вас именно так, тем паче что я, скорее всего, вдвое старше Вас. Но не суть. Я хотел бы Вас просить, чтобы Вы выслали мне реквизиты сбербанковской карты, то есть мне нужен просто номер карты. Дело в том, что я полностью слепой, и со сложными переводами по расчётным и прочим счетам, с указанием БИКов и прочего у меня сложности.... Уж простите. :) А перевести на номер карты — милое дело.

Так что, надеюсь, не откажете в просьбе. И спаси Вас Господь за ваши добрые дела!»

«ГРАДЫ» В ПОЛЕ

Эта заметка запомнилась многим читателям. Особенно маме.

Впоследствии было много споров на тему того, кто бил — ополчение или с украинской стороны. Но я тогда испугалась невозможно. Все испугались. Потому что вид бьющих «Градов» в ночном поле — это страшно. Очень страшно. Я слышала сто раз и до, и после залпы орудий. И бывала в более опасных местах. Но когда видишь своими глазами — всё иначе.

Как-то одна знакомая гуманитарщица про меня сказала: «Метр с кепкой, шмакодявка». Так вот, я превратилась из шмакодявки в бактерию. Испытываешь только чудовищный страх за свою шкурку. В этот момент, спасая себя, я бы бежала от страха по головам.

**«На войну»
17 февраля 2015 года
Дневник**

— «Грады» бьют.

Мы гоним по трассе в сторону Луганска. Ночь. Сiju в машине Ростислава — ополченца из комендатуры Первомайска, который нас встречал на границе. Без пропусков проехать невозможно. Ночью комендантский час.

Ребята в до отказа набитой гуманитаркой машине едут за нами.

Ростислав выжимает педаль до предела. Ни малейшей реакции на лице. Спокойствие и глубокая усталость. Рядом с ним его девушка — у неё начинается истерика. Ребята отстают.

Смотрю в поле через стекло. А там огненные залпы. Раз, два, три, четыре... Как сосчитать? Скорость огромная. Как по телевизору, только я не по ту сторону экрана. А здесь, в поле, с «Градами» и моей крохотной жизнью, которая стала важнее всего в мире.

По телу проходит судорога, и лицо парализует.

— В ожидании перемирия, успокойся, не по нам бьют, в другую сторону. Далек. Вроде.

Небо глубокое, чёрное и прозрачное. А далеко в поле кровавые всполохи.

Далек. Вроде.

Звёзды видны, как на юге в Крыму летом. Невероятно красивые.

Во мне всё сжалось.

Ребята отстали. Мы остановились их подождать. Выскочила, словно пуля, из машины. Только теперь понимаю, почему там водят без ремней безопасности. Выскочила, сердце колотится, вены пульсируют так, что чувствуешь каждый удар сердца.

Перемирие только послезавтра. Мне ещё кажется, что оно что-то значит. У меня ещё иллюзия, что оружие сложат.

Страх дикий и бессознательный. Я же здесь уже в четвёртый раз. Сто раз слышала вдалеке залпы и приходы. По ночам вообще долбят не переставая. Далек, до Луганска не доходило.

Но сейчас увидела. И стало невыразимо.

На улице мороз, я нараспашку и не понимаю, что происходит. Какая-то глупая паника. Холод пронизывает всё тело, но ты его не чувствуешь. Ветер бьёт в лицо. И вообще не доходит, что стреляли в другую сторону. В голове стучит, что сейчас где-то будут падать снаряды и надо

успеть прыгнуть в канаву. Адекватность приходит только потом.

А пока кажется: ты голая живая мишень.

На небе рассыпан Млечный Путь. Мороз делает воздух чистым и прозрачным. Звёзды смотрят на меня холодной вечностью. И боже, какие они красивые! И боже, как же страшно!

Мы попали в Первомайск как раз в тот момент, когда был Дебальцевский котёл. Все замерли в ожидании. Высшие мира сего уже обозначили перемирие. Тогда грохот артиллерии стал обычным шумом, на который уже не обращаешь внимания. Ужасная глупость. Потому что в такие моменты расслабляешься. Устаёшь быть начеку. Нельзя.

Это был очень красивый день — все деревья одеты в жемчужный иней. На окнах снежные узоры. Всё заледенело и было красиво-белым. Так это не вязалось с окружающей обстановкой.

«Кровавое перемирие»
18 февраля 2015 года
Дневник

На центральной площади Первомайска снарядов в два раза больше с момента последней поездки месяц назад.

Это только малая часть из того, что прилетело в город.

Саша из комендатуры бросает вскользь:

— Многие пришли сегодня ночью...

— Так перемирие в полночь сегодня началось?

— Ровно за пять минут до него пропахали полцентра города «Градами»... Отмечали, по всей видимости. Били до трёх ночи на радостях.

Где-то на заднем фоне гул и гупание.

— Котёл варится. Там в основном бьют.

Гул разный — то звучный, то свистящий, то очень низкий, низкий, словно гигантский мешок муки великанов на пол уронили.

В городе людей почти нет. Звонящая пустота. Только взрывы, взрывы, взрывы.

Каждые пять минут что-то где-то гремит. Город вымер и оживает, только когда идёт выдача еды. Люди собираются, а потом расходятся.

Город в таком режиме живёт уже более полугода. Под постоянным обстрелом.

Мы повезли гуманитарную помощь по бомбоубежищам.

Бомбоубежище Первомайска. Февраль 2015 г.

Днём люди домой идут, а ночью спят в подвалах. А те, кто остался без дома, там и живут. Некоторые из подвалов уже по несколько месяцев не выходят. Боятся. Даже в магазин. Многих так и настигали снаряды или осколки. Когда выбегали на пару минут. А некоторые уже устали и спят дома: «Суждено умереть, умру. На всё воля Бога».

Мы подъезжаем к бомбоубежищу предприятия «Мотор Сич». В нескольких метрах от входа дыра от «Града».

— Это как раз ночью сегодня пришла. Снаряд уже достали.

Татьяна Леонидовна — старшая по бомбоубежищу — показывает и ведёт окольными длинными коридорами в подземелье.

Комнат много — закоулки, коридоры. Мы словно в норе у хоббитов, только вместо уютных домиков — сырые влажные помещения, во многих из которых нет света.

Здесь около 150 человек, из которых 18 — дети.

В помещениях в основном пожилые люди.

— К нам часто приходят журналисты, ОБСЕ, иностранцы. На экскурсии... Толку? Зайдут, снимают и исчезают.

— Я сама врач, терапевт. Квартира моя как раз смотрела на Попасную. На линии огневой. Висит теперь в воздухе... Дом мой...

Следующее бомбоубежище. Оно меньше, да и света вообще нет. Живут около 35 человек.

Идём с фонариками в потёмках. Сырость сильнейшая. Идём на слабый огонек.

— Можно вас сфотографировать?

Группа бабушек ухмыляется.

— Передавайте всем привет.

— Кому?

— Да всем им. Ляшко и всей это быдло-банде в Раде. Пусть знают: нас здесь много. Всех не убьют.

Сидят вокруг единственной свечи в помещении. Экономят как могут.

Огромные пространства, высоченные потолки, сырость. И затерянные в этих катакомбах люди.

Бомбоубежище Первомайска. Февраль 2015 г.

Следующее бомбоубежище кишело детьми. Красивые девчонки, мальчишки.

Жека луганский шепчет:

— Они здесь полгода уже живут. Остались без дома. Теперь это их дом...

Мы везли около двух с половиной тонн еды для Первомайска. И когда всё поделили между столовыми и бомбоубежищами, поняли, что это совсем немного. Просто ничтожно мало.

— Перемирие. Всю ночь мирились. Когда же, господи, это закончится. Мы же люди! Они разве не знают?

— Чёртово перемирие. Не верим мы в него. Растягивают издевательство. Было уже такое — знаем, проходили.

Все время спрашиваю: почему не уезжаете? Даже не знаю уже зачем. Почти всегда ответы похожие. Но спрашиваю. Как ритуал.

Все, кто мог и хотел, уехали. Остались старики, дети, инвалиды, кому вообще некуда ехать. Кто-то уезжал, но пришлось вернуться, потому что негде жить и не на что. Остались детские дома и интернаты с детьми-инвалидами.

*Дом по улице Макушкина в Первомайске.
Снаряд попал за пару дней до нашего приезда в феврале 2015 г.
Уже зимой 2016 г. подъезд полностью восстановили*

Одни не смогли покинуть немощных родителей и остались. А другие бросили своих родителей и уехали. А те...

Ждут детей и не понимают... А ещё остались те, кто не хочет уезжать, потому что это их земля.

Едем по городу, и даже я вижу, насколько много новых разрушений. Что-то починили, заделали.

— Поехали, покажу снаряд рядом с церковью. Как раз под утро пришёл.

Саша Первомайский подвозит к храму, а там дыра в асфальте.

— Сапёры быстро сработали. Только что ещё торчал.

На остановке рядом люди.

— Они автобуса ждут?

— Нет, хлеб. Люди без надобности почти не выходят. Боятся.

— А ты не боишься?

Саша пожимает плечами

— Боюсь. А что делать? Привык.

Объехав весь Первомайск, мы вернулись в центр. Вышло солнце.

Мы стояли одни на огромной площади. Лучи грели, и было непривычно и странно, что в такую погоду никого на улице нет. Мороз и солнце всегда выгоняют мамочек с детьми и колясками, старушек и молодые пары на улицы.

Иней на деревьях начал таять. Потеплело.

Гупать на горизонте начало чаще. Но мы не слышали и не замечали приходов. Словно местные, мы вошли в состояние, когда кажется, что сюда не придёт. Придёт куда угодно, но только не сюда.

Центральная площадь Первомайска. Февраль 2015 г.

ПЕРВОМАЙСКАЯ БОЛЬНИЦА

Больше всего в ту поездку меня поразили не постоянно бьющие «Грады» и «Ураганы», а врачи, спасающие людей. Живущие в больницах, ездящие на скорой на места обвалов.

Герои, про которых никто не знает. Этот незаметный труд остается в тени. Как и труд работниц социальных столовых, хосписов и интернатов, которые не бросают своих подопечных, когда рядом падают снаряды... Водителей, развозящих записки по городу, коммунальщиков, электриков в школах, как Артём, женщин, выгребаящих трупы кур, как Любовь Михайловна.

Те, кто уехал, — они спасали себя и свои семьи. Много раз слышала обвинения в адрес тех, кто остался. Тех, кто остался, и выбрал сидеть во время бомбёжки в операционной. Я имела счастье видеть врачей в эти моменты. Видеть, как они тихо выполняют свой труд, когда бьет «арта», как говорят местные.

«Спасая жизнь»
4 марта 2015 года
Дневник

— Неделю назад пришло пять прямых попаданий, не считая котельной.

У парадного входа в больницу стоит полненькая медсестра и курит.

— Вам кого?

— Мы гуманитарную помощь привезли. У вас же в подвалах люди?

Усмешка на лице.

— Мы тут живём. Вам Николая Александровича?

Нас заводят в пустые помещения больницы. Кажется, они совершенно новые — чистые стены, плитка. Вообще не вяжется с окружающим миром.

На горизонте бежит в кожаном плаще Айболит. Николай Александрович. Он начальник здравоохранения города, остался за главврача, который уехал.

Представляемся друг другу, жмём руки, сдаём гуманитарную помощь.

— Экскурсию хотите?

Голос усталый, с усмешкой. Прячу глаза в пол. Экскурсия. От слова становится стыдно.

Мимо пробегает невысокий врач со стетоскопом. Он явно занят. Николай Александрович представляет:

— Это мой друг, брат, сотоварищ. Всю войну с нами. На скорой при каждом обстреле города. Людей вытаскивает из-под плит.

Пытаюсь запомнить его лицо.

— Можно вас сфотографировать?

Он смущённо отводит глаза.

— Ну ладно...

— Не страшно приезжать? Долбят у нас постоянно.

И делает паузу, как бы предлагая послушать. В здании не слышно приходов. Но они точно есть, хоть и далеко.

— Страшно.

Смеются.

— Молодёжь едет. У нас ОБСЕ тут было, начались приходы, так они в пять минут удрали. Говорю: останьтесь, пойдёте, покажу, что с больницей сделали. А они: нет, спасибо. ОБСЕ.

И опять смеются.

Мы идём дальше, как привидения, растворяясь в пустых коридорах, где когда-то кипела жизнь...

Пытаюсь поспеть за большой фигурой Николая Александровича:

— Где сейчас больные?

— Неделю назад по нам долбили, и людей эвакуировали в стахановскую больницу. Но мы уже на днях начнём опять приём.

— Слышала, пять попаданий было?

— В родильное отделение ещё полтора месяца назад попали. А вот тут сразу пять — детская, кардиология, в инфекционное лёг снаряд. В урологическое отделение...

— Людей было много?

— Полно. В основном престарелые. В детском были детишки... Пойдёмте на второй и третий этаж — покажу. Видите, прямо сверху пришёл? С чердаком вместе. Я после первого удара вышел на улицу, зашёл — и через три минуты сразу опять удар. Здание заходило. А здесь видите, в палату пришло.

— Когда пришёл первый снаряд, через одну палату отсюда наш врач вёл приём. Чудом остался жив. Представляете ощущения? Все снаряды вывезли, они все на площади под памятником Ленина. Трубы от «Града».

Николай Александрович говорит с присущим региону выговором, через х, отчего «Грады» звучат как «Хграды».

— Когда бомбили, у нас 11 человек на вытяжении лежало. И руки, и ноги. Каково их эвакуировать...

Смотрю, в комнатах, где пришли снаряды, стены заделаны чем попало.

— Мы почти всё заделали, чтобы тепло не терять. Завтра запускаем кардиологию.

— А вы где живёте?

— Я?

Николай Александрович как будто не услышал. К нему подбежали работники и стали говорить про котельную. Туда мина попала при обстреле.

— Я сплю в своём кабинете. Мы тут почти все живём. Сейчас затишье, разбежались. К вечеру все соберутся. А у многих и домов не осталось. Пойдёмте в подвал, покажу, как мы живём.

Навстречу нам идёт молодой высокий парень.

Николай Александрович мгновенно реагирует:

— Это наш Артём, будущий академик. Хирург.

Артём, кажется, мой ровесник. Поверх медицинского костюма куртка. В здании топить ещё не начали. Холодно.

Всю войну здесь, не уехал. Артём с Николаем Александровичем смеются.

— Артём — будущее светило. А как же всё-таки уже хочется мирных операций!

— Да, вот недавно грыжа была — счастье какое! А то одни осколочные...

Артём живёт в больнице и спит прямо в ординаторской. Николай Александрович грозно приподнимает брови:

— А когда бомбёжка, в подвал не спускается, всё говорит: «Господь управит». Такой вот он у нас. Не уехал. Всю войну. Семь месяцев под постоянным обстрелом...

Пытаюсь запомнить и его лицо. Такое светлое, молодое, улыбающееся.

Спускаемся в подвал, а там запахло борщом. Вкусно.

— Это наши девочки. Наш анестезиолог, а это кардиолог.

Пытаюсь запомнить каждую, заглянуть им в глаза.

Они смеются, улыбаются.

Многие, конечно, уехали. Остались единицы.

— У нас есть девушка, как вы, молоденькая совсем. Тоже здесь живёт и работает. Не уехала. Выполняет свой долг — узист. Прямо здесь и смотрит всех.

Мы ходим по подвалам. В комнатах люди. Пациенты, оставшиеся без дома. Есть дети.

— У нас тут, между прочим, цивилизация — видите, телевизор!

Девушки врачи и медсёстры хохочут.

— В больнице погиб 81 человек. А раненых не счесть. Как-то оперировали на восьми столах сразу, один из них был ребёнок. Это всё мирные жители. И это под гупание «Градов» и мин. А ребята наши на скорой под каждым обстрелом. Не уезжают из города. Всю войну здесь.

Он два раза повторил «мирные жители», словно боясь, что я не так его пойму.

— Слышала, что погибли около 500 мирных жителей за всё время.

— Так я говорю только про тех, кто поступил к нам. А другие — их сразу к судмедэкспертам, это не к нам.

— Специально по больнице били? Прямые попадания же.

Никаких стратегически важных объектов, кроме жилого сектора, в округе нет. Ничего.

Больница в Первомайске. Февраль 2015 г.

Николай Александрович не услышал. Или сделал вид.
Сколько таких, как я, приезжает, на «экскурсии»?
Приезжают, охают, смотрят, впечатляются?
Разводят руками. Жмут руки.
И уезжают.
А они остаются. И делают своё дело.

ПЕРВОМАЙСК

В стене дыра от гаубицы. Под ногами хрустит стекло. В этой школе находилась одна из социальных столовых. Как-то мы привозили сюда еду, и в это время в школе заклинило звонок. Шёл легкий дождик. А звонок звонил, звонил, звонил, звонил не переставая. Звал детей на урок...

Мы сидели уже в машине, а он всё звонил. Звонил и звал... Страшно и жутко.

*«Это гаубица, не "Град"»
14 марта 2015 года
Дневник*

— Пятнадцатого опять начнётся. Это так — отпуск...

Ростик бросает сигарету на землю.

— Дай, пожалуйста, только чтобы мои не видели...

В Первомайске нестерпимо хочется курить.

Как подросток прячусь, пальцы дрожат.

Перемирие здесь пустой звук. Никто в него не верит. И я не верю.

В городе началась настоящая весна. Солнце шпарит, девушки с колясками на улицах, люди гуляют. Воздух стоит, и ничего не слышно.

В глазах людей нет спокойствия. Лишь жуткое, давящее понимание того, что это ненадолго.

Первомайская школа №1.

Дыра от гаубицы в месте, где висела доска. Март 2015 г.

Посреди класса, аккурат где висела доска, заделанная кирпичами дыра.

— Это гаубица, не «Град»...

На полу дыплята в синих курточках и шляпках. И парты, парты, парты, парты...

В школе разбиты почти все окна. Везде книги, учебники, стёкла.

Дырявый глобус...

Пустые коридоры в середине учебного года.

При школе работает столовая для нуждающихся, в ней бесплатно работают женщины.

В основном жители Первомайска так и питаются. Столовые не прекращали работу даже в самые жаркие дни, когда

выходить на улицу было страшно. Снаряды рвало постоянно. А сотрудницы не уходили, готовили и не уходили. Всего девять столовых, где работают около 50 человек... Женщины, девочки, девушки, бабушки...

Как-то за один день попали в четыре столовые. Словно специально.

В больницу № 2 было пять прямых попаданий, одно из которых — в детское отделение.

Больницы № 1 больше нет, разбита полностью, осталось бомбоубежище, где живут люди.

В роддом три раза приходили снаряды. Вечером в 22:00 пришёл один. Утром начали восстанавливать — и пришёл новый снаряд.

Били по столовым. В одну не долетел — пробило два верхних этажа в доме, к которому столовая пристроена. Столовая осталась цела.

Лучшая школа города — номер шесть — четыре (!) раза была под обстрелом. Восстановлению, скорее всего, не подлежит.

В 1-ю и 2-ю школу три раза приходило, они меньше пострадали. № 1 — выше на фотографиях.

Собес четыре раза был под обстрелом — восемь прямых попаданий. Техникум № 31, ПТУ № 74, ПТУ № 39, детский сад «Аленький цветочек» разбиты. В медучилище — два попадания. Дворец спорта «Юность» — три раза пробита крыша.

В первый раз в сентябре — ремонтировали до декабря. Следующее попадание пришло сразу после ремонта. Словно ждали, что ли?

Детский сад для детей-инвалидов разрушен.

Скорую помощь долго ремонтировали, как только сделали — сразу прилетело.

Почта два раза попадала под обстрел. Прямые попадания.

Четыре котельные повреждены, одна из них не подлежит восстановлению.

Санстанция разрушена.

Разрушено градообразующее предприятие «Бурцех».

Газораспределительная станция высокого давления стоит в поле, полностью выгорела дотла. Рядом и близко нет других объектов, тем более, военных.

В городе пострадали почти все здания. 300 домов.

Первомайская школа №1

ХРЯЩЕВАТОЕ

Мы много где побывали — и в Горловке, и в Углегорске, и в Дебальцево. Но такого, как в Хрящеватом и Новосветловке, не видели ни разу. Все улицы — с десятками разрушенных домов. Хрящеватое и Новосветловку почти стёрли с лица земли в августе 2014 года.

*«Среди руин»
7 апреля 2015 года
Дневник*

В крошечном Хрящеватом из 527 домов 80 полностью сгорели, 27 разрушено полностью ударами «Градов», миномётов и гаубиц почти до основания, 77 — крупные разрушения, не подлежат восстановлению. Остальные — все потеряли окна, в той или иной степени крыши или ещё и стены. 34 погибших. В соседней Новосветловке 600 ранены, 200 погибших. На каждой улице сожжённые танки, БТРы. А ещё руины, руины, руины... А между ними люди, дети, жизнь...

Гуманитарную помощь развозить по нуждающимся нам помогали девчонки из сельсовета. Молодые, красивые. У всех маленькие дети. Все были во время обстрелов там. На Донбассе. В подвалах.

Едем, а они хохочут. У Иры улыбка не сходит с лица.

— Электричество в посёлке есть?

— Половине дали в феврале, в половине и сейчас нет. Воды нет ни у кого.

— Как же вы?

— Два раза в неделю подвозят на тракторе. Пять гривен платим.

Таня, по профессии учитель истории, машет рукой.

— У меня электричество есть. Хорошо. Стираю в машине — канистрами воду заливаю. А так почти всю зиму руками. Работы только нет. Школу разбомбили...

Полпосёлка со свечами. Готовят на огне. С рассветом подъём, с закатом спать.

Зарплата мало у кого есть. Да и работы вообще нет. Пенсию по девять месяцев не получали.

Питаются в основном едой с хозяйства, если оно осталось, и гуманитарной помощью.

Как-то в комментариях один знаток уверял, что Хрящеватое отстраивают, еду подвозят.

Хрящеватое. Апрель 2015 г.

Посёлок далеко от огневой линии и не интересен прессе. В Чернухино, Дебальцево конвоями возят, показывают по

телевизору. А про Хрящеватое забыли. Ведь давно это было. Летом.

А люди остались. И им надо как-то и где-то жить.
Точнее, выживать.

Проезжаем мимо школы, Таня смотрит с прищуром.

— Отстраивают. А то в Луганск детей возим на маршрутке. А садика-то и не осталось. Совсем разрушен.

Девчонки вышли из машины, с нами осталась Ира — отвезти в Вишневый дол. Там пять сильно нуждающихся семей, которые еле выживают. Бабушки по 90 лет.

Едем через Новосветловку, Ира со своей фирменной улыбкой смотрит в окно:

— Я сама из Новосветловки. Когда начали бить по Хрящеватому, бежала туда к маме. Спасалась. А там...

Смотрю в окно, а там руины.

— Хочешь, домой к маме заглянем, покажу?

Проходим на задворки, там куры бегают, петухи. А за ними куча и дыры в земле.

Ира показывает на ржавые трубы.

— Эта «Градина» вошла в соседнюю комнату. Я случайно вышла из неё. Дикая шум, думала, стены рухнут.

Ира рассказывает и улыбается.

— Дяде ногу оторвало осколками. Он в туалет вышел, а вон — видишь?

Показывает рукой на дыру в метрах 10 от нас.

— Гаубица пришла. Осколком его задело, без ноги остался.

По двору бегают собаки, живность.

— Одну собаку убило. Бежали из Хрящеватого и прибежали... А свекровь сразу убило на месте.

К Ире подходит мама. Лица — один в один. Обе высокие, на лисичек похожи.

Мама продолжает:

— А потом утром выхожу из дома — смотрю, гул, думаю: трактор, что ли, едет? Всматриваюсь — а там колонны техники. Собрали они нас, говорят: «Спасать вас приехали».

Я им: «Дякуемо». Что могу сказать? Мы шевельнуться боимся. Мы тогда вещи собрали — и тропами, задами через речку в Вишневый дол бежали, там и отсиживались в подвалах у людей. А здесь из дома вынесли всё ценное, что было...

У Иры ребёнок. Тогда ему и двух лет не было.

— Скажи ему: «Ложись» — сразу падает и голову руками прикрывает...

Ира рассказывала абсолютно бесстрастно. На лице не дрогнул ни один мускул.

Ни одной слезинки. Только ослепительная улыбка. И глаза. Тяжёлые, полные невыразимой тоски и страшного ожидания.

Церковь в Хрящеватом. Январь 2015 г.

ЗАЧЕМ? ЗА ЧТО?

Наверное, это была одна из самых политизированных статей, которые я писала. Стараюсь не писать о политике, не выносить суждений. И не потому, что нет четкой позиции или не хочу «очернять благое дело». Многие считают, что я вне политики, но это неправда.

Сложно быть вне, когда постоянно слышишь одну точку зрения. Сложно пытаться быть объективным. Хочется слышать только желаемое, а нежелаемое расслышать.

Как-то в Новосветловке одна женщина рассказала про смерть сына и мужа. В конце прибавила: «Нас убивали все. Летело со всех сторон».

Тысячу раз слышала, как молодые ребята из ВСУ не стреляли, уходили. И всегда слышала, как нацгвардия бесчинствовала.

На войне попадают всякие люди, со всех сторон. Подонков в ополчении хватало, особенно летом 2014 года, когда творился полный беспредел, а оружие было в открытом доступе.

Мародёрство — удел не только захватчиков. Самое ужасное, когда это происходит среди своих. Одна бабушка, рассказала, что полдома вынесли в основном соседи. Об этом говорили разные люди. Эта правда тоже есть, как бы она ни была неприятна. И как бы мы не хотели сделать вид, что её нет.

И то, о чем написано дальше — тоже правда.

«Зачем? За что?»
26 мая 2015 года
Дневник

В каждом посёлке, городе Донбасса, куда мы привозим помощь, а её мы раздаём адресно, по домам, квартирам, бомбоубежищам, столовым, слышим много историй. Люди сначала тушуются, когда ты к ним заходишь, а потом их прорывает. Начинают рассказывать и рассказывать. И рассказы повторяются. Давно перестала им удивляться. Только вот для многих это по-прежнему всё «неправда» и «искажения», «пропаганда».

Везде, слышите? Везде, где мы были, нам рассказывали, что, когда нацгвардия и ВСУ заходили, они точно били по инфраструктуре, её разрушая. Давайте, расскажите, что они защищали свою землю от российских захватчиков.

Георгиевка.

Два единственных садика — «Колосок» и «Берёзка» — и две школы разбомбили. Поселковый совет в упор расстреляли зажигательными снарядами.

Рыбзавод разбомбили, в цехе металлочерепицы автоматами расстреливали технику. Мебельный цех разрушили, всю технику угнали, а всё, что не завелось, спалили. Завод металлопластика разрушили. Танками давили газопроводы. Когда их спрашивали «зачем?», отвечали: «Оно вам не потрібно».

Никому непонятно, зачем раздавили танком детскую площадку.

От разных людей слышала, что военные из нацгвардии говорили жителям: «У нас сараи лучше, чем ваши хаты». — «Что вы так бедно живёте?»

Из Новосветловки батальон «Айдар» вывозил вещи из домов камазами. Одна женщина рассказала, что у неё из дома вынесли всё, вплоть до ложек. Про разрушения Хрящеватого и Новосветловки и рассказать страшно. Целые

улицы — руины. Людей сгоняли в одно место и мародёрствовали по домам.

В Первомайске пострадали почти все здания в той или иной степени. Многие просто стёрты с лица земли.

Первомайск. Февраль 2015 г.

Жилые дома, школы, больницы, столовые, детские сады, техникумы, газораспределительные станции, дворец спорта, собес, градообразующие предприятия, шахты, котельни — все они подвергались многократному обстрелу.

Почти со всеми этими разрушениями не находились военные части. То есть били по зданиям специально, разрушая инфраструктуру города. По наводке.

В Чернухино почти все колодцы были отравлены. Военные «заливали туда соляру», как рассказывали местные.

— Господи, зачем? За что?

— Да бог его знает.

Ну зачем, зачем стрелять в Луганский гериатрический пансионат для ветеранов войны и труда, где живут 250 пожилых, из которых 170 лежачих, которых просто невозможно эвакуировать?

Пансионат находится в лесу, никаких частей даже близко не было, чтобы сказать, что стреляли в обратку.

Зачем отравлять колодцы, давить танками площадки, бить по больницам и детским садам?

Зачем?

За что?

ЛЕТОМ НА ДОНБАСС

Уже с лета мы перестали арендовать грузовые машины и стали ездить на легковой московского Жени. Почти всегда вдвоём, потому что машина забита до отказа и места больше нет. Помощь через границу стало провезти невозможно. Но и необходимость тащить еду через всю страну отпала. Рынки Донбасса переполнены. В магазинах продается всё, причём цены там ниже, чем в Москве. Одна проблема, у местных нет денег. Только с лета 2015 года начали выплачивать пенсии и пособия. Но они настолько маленькие, что почти всё в магазинах людям не по карману. Мы стали ездить просто с деньгами, на месте закупили все необходимое и развозили по адресам. Люди почти год сидели на кашах и тушёнке, а тут появилась возможность привозить свежую еду. Курица, яйца, молочка, овощи — теперь мы развозили именно это.

Отдельная история — дорога. Почти каждый путь — это приключения.

Вот, например, наша поездка в июле.

**«Донбасс, встречай»
25 июля 2015 года
Дневник**

В Луганске нестерпимая жара, плавится всё вокруг.
Деревья все в дымке.

На границе очередь километра два плюс куча автобусов и очереди из людей, которые границу проходят пешком.

Мы с Женей московским на въезде в Первомайск

На голове кофты, под плечи салфетки, полотенца, чтобы не сгореть. Ни тучки, ни дерева — ничего. Лишь южное палящее солнце.

В толпе только одно — Донецк, Горловка, пенсии, война.
— У нас тихо, домой. Невозможно так больше.

— Где тихо, а где совсем не тихо.

— Ааааа. Вы из Горловки, поди? Мы-то местные, краснодонские... Дом...

Многочасовое стояние на жаре, длинная лента машин, еле ползущая к цели.

Лёд уже тает, холодильник на вторые сутки перестаёт держать. А там инсулин, которому нужен холод.

А конца и края стоянию не видеть. Одну ночь не спавшие совсем, начинаем тихо сходить с ума. Пошли вторые сутки.

Водилы автобусов обсуждают графики поездок:

— Я в прошлый раз простоял больше полусуток здесь. А в другой раз проскочил в момент. Не угадаешь.

Чувствую, дело плохо. Решила идти ва-банк.

Прошла в начало очереди к бежевой машине. Расправила плечи, взяла холодильник и слёзно умоляю:

— Дяденька, пожаааалуйста. Ещё часов пять — и инсулину каюк. Даяаяяденька!

Дяденька смотрит на меня, на холодильник, потом опять на меня.

Что действенней — декольте или инсулин? Выбираю второе.

Достаю пачки и начинаю перед носом трясти коробками и чеками. Сомнение в лице.

Расправляю декольте.

— Ладно.

Выдыхаю. Проползаем в начало очереди. Все соседние машины смотрят на нас в бешенстве.

— Мы вас не помним!

И тут звонок друзей, ждущих нас на той стороне:

— Ребят, там 40 машин гумконвоя МЧС проезжает обратно в Россию.

Инсулин.

Глаза воспалённые и красные. Ноги подламываются, и жара, жара, жара.

Очередь замерла и ещё часа два стоит. Машина нагрета, и сидения словно песок в Сахаре — можно готовить яичницу.

— Жень, надо включать на всю кондёр, иначе инсулину каюк.

Включили. Голова кругом. Вышли на улицу.

Я захлопываю дверь. И она... заблокировалась. Непонятно почему.

Женя (Московский) смотрит на меня. Ключи внутри, все вещи внутри. ВСЁ внутри. А мы снаружи.

В любой момент очередь может подвинуться. А мы зажаты автобусами, и, следовательно, вся очередь наглухо встанет за нами.

Я впадаю в панику.

Весь мужской состав очереди ломанулся к нам и устроил консилиум, как с меньшими потерями взломать машину.

— Давай с багажника.

— Снимай молдинг.

— Бей заднее стекло.

Я в панике бегаю, меня успокаивают рядом стоящие тётки.

— Брось, главное целы и здоровы! Это ж пустяки!

Такого единения людей не видела давно. Изрядно измученные ожиданием, все как-то оживились. Стали активно помогать и сочувствовать. Мужчины притащили инструменты, воды, тряпок, скотча.

В общем, ничего другого не осталось — бьём стекло. Запечём скотчем дыру.

И почти сразу после этого очередь двинулась, и мы поехали.

Такой лёгкой таможни не было никогда.

Почти на каждой стороне обсуждали только наше разбитое стекло.

Все пограницы, таможенники так сильно сочувствовали нам, что мы на раз пролетели.

Вид у нас был и правда побитый.

А впереди ждали огромные поля подсолнухов, кукурузы и пшеницы.

Половина Донбасса заминирована, и может сдетонировать где угодно. На каждом поле может оказаться мина.

И даже разминированные, они могут быть опасными. И те, кто их вспахал, — герои.

Обманчивое лето и жара, где красавицы ходят с красивыми голыми ногами и дети бегают по улицам.

Обманчивое лето, где война не ушла.

ЛЕКАРСТВА ЕСТЬ, НО ИХ НЕТ

*«Тихая смерть»
10 августа 2015 года
Дневник*

В магазинах Луганска продаётся всё. Можно найти любые продукты, средства по уходу и гигиене. У большинства нет денег, но потенциально на Донбассе можно достать всё необходимое. Кроме лекарств.

Меня постоянно просят привезти то или иное лекарство. Пишут десятками. При этом предлагают даже деньги. «Пожалуйста, без них невозможно, достать негде!»

И главная проблема — нет как раз жизненно необходимых лекарств.

Мы прошлись по аптекам города.

— Тест-полоски есть?

— Да вы что?

— Противосудорожные есть?

— Нет.

Я стояла со списком и в ответ слышала только одно: «Нет».

Девушка смотрела на моё недоумение с ещё большим недоумением.

На прилавках выстроены какие-то коробочки — и все они лишь безобидные болеутоляющие, пластыри, активированный уголь, йод и прочие средства первой необходимости.

Подчас аптеки достают почти всё, что у них есть, чтобы полки не пустовали.

Заполняют витрины безобидными мазями, шприцами, бинтами... Или средствами от кашля и насморка... С первого взгляда иногда кажется, что всё есть...

Хотя и с необходимым проблема:

— Бинты можно?

— Сколько?

— 20 штук.

— Столько нет.

И собирали их по нескольким аптекам...

Аптеки пусты. Чего ни спроси — нет.

Многие закрылись.

И это не говоря уже о том, что большинство аптек мелких городов просто не работает. А те, что есть, ещё более пусты.

Почти все лекарства для наших подопечных мы привозим из России.

Постоянно передаём автобусами «Москва — Луганск».

С инсулином отдельный разговор. Инсулина много завозят в регион — но его всё равно постоянно не хватает.

А ещё проблема с его качеством.

Так, выяснилось, что у одной из наших подопечных проблемы из-за плохого инсулина. Мы привезли ей запас хорошего инсулина на полгода.

Страдают самые нуждающиеся.

Ведь многие лекарства принимаются постоянно.

В обычной жизни эти люди могут быть абсолютно полноценными.

А в военных реалиях их жизнь висит на волоске и превращена в постоянную борьбу.

Из новостей вы узнаете число погибших в результате обстрела. Погибших мирных людей. Живущих на своей земле. Это десятки и сотни разрушенных судеб.

Это оторванные ноги, покалеченные жизни. Дети без отцов и матерей, мужья без жён. Родителей без детей.

И вы не найдёте в этих сводках и новостях сотен, а может быть, уже и тысяч тех, кто просто тихо умер оттого, что не смог достать лекарств.

ДОРОГА ДОНБАССА

*«Дорога Донбасса»
19 сентября 2015 года
Дневник*

Дорога — примета времени и места.

По мелочам можно понять, где ты находишься.

По дорожным знакам, вывескам. Деревьям, растущим вдоль неё. Или не растущим.

Остановки — большие? Заброшенные? Ухоженные?

Где-то дорожные знаки, как, например, в ЮАР, предостерегают от диких животных — слонов и бегемотов, которые могут перебежать дорогу.

Где-то дороги аккуратны и чисты, как в Европе.

На Донбассе своя дорога.

За то время, пока я ездила на Донбасс, дороги менялись. Можно очень многое понять, увидев лишь их.

Где-то появлялись новые дыры от воронок, а где-то латали выбоины, и стало лучше ездить.

Вдоль дорог везде российские триколоры.

Почти повсюду следы войны. Хотя танки и сгоревшие БМП уже отогнали, остались блиндажи, насыпи, окопы.

Очень непривычно видеть пустые щиты.

Рекламы нет, и стоят только голые железные листы с лоскутами бумаги.

Из Горловки, где стрелять перестали лишь несколько недель назад, полгорода уехало и пока ещё боится вернуться.

Во многих районах Донбасса сгоревшие дотла заправки. Железные балки и прутья бесполезно висят.

Весь Донбасс — блокпосты, которые нельзя фотографировать.

Зимой на дороге из Луганска до Первомайска было то ли восемь, то ли девять блокпостов. Везде остановка, разговоры, паспорта. Сейчас же всё иначе — лишь один блокпост на пути.

В Донецкой области всё по-другому. Там бои идут до сих пор, и блокпосты — обязательные части пути.

Всё меняется, меняется и дорога.

Пусть же дорога Донбасса покроется цветными флажками, рекламой подгузников и придорожными кафе, пусть даже с просроченной и невкусной едой.

КАК МЫ РАЗДАЁМ ПОМОЩЬ

*«Гуманитарная помощь. Дебальцево»
19 октября 2015 года
Дневник*

Как мы раздаём помощь и ищем нуждающихся на Донбассе?

Мне регулярно сбрасывают подобные призывы: «Семья Ивановых голодает! SOS!» И вот мы на пороге Ивановых. Нас встречает лоснящаяся откормленная тётка, которая

грубо отрезает: «Оставьте здесь». Домой пускать не хочет. А если всё-таки пройти в него, в дом, то можно увидеть забитый колбасой холодильник, толстеньких детишек с конфетами за щекой, которые подарят отштампованные рисунки с танками и взрывающимися бомбами. Почему-то с интернет-призывами так случается часто. Поэтому не реагирую на большинство слёзных рыданий в интернете.

Это, конечно, не значит, что Ивановым помогать не надо. Им тоже, скорее всего, несладко, раз просят.

Но мы разворачиваемся и уходим. К тем, кто не попросит. Но кому действительно некому помочь. Как мы находим тех, кому помогать?

— Жень, после хосписа в Горловке давай заедем в Дебальцево? Там полно разрушенных домов и людей, которым некуда деваться.

— Поехали.

И вот мы собираем пакеты с проднаборами. Каждый пакет килограммов 12 — молочка, макароны, курица, масло, мыло и т.п.

И едем в никуда.

Обычно ищем сельсовет, поселковую или городскую администрацию — спрашиваем на улице прямо у людей.

Потом заходим внутрь и ищем человека, который может нам дать списки тех, кому нужно помочь. Всегда идут навстречу. Куда бы мы ни ездили. Георгиевка, Хрящеватое, Дебальцево, Чернухино...

Часто работники сами садятся с нами в бус и едут по домам. Скрывают лицо: «Потом будут всем рассказывать, что пиаримся на гуманитарке».

И вот после посещения хосписа в Горловке, на обратном пути, мы заезжаем в Дебальцево.

Наталья Николаевна, вторая рука мэра, поехала с нами показать улицы — мы в городе не знаем ничего.

Пытаемся прозвонить тех, чьи телефоны есть. Кого нет дома, у кого занято. Тычемся наугад.

И вот мы у Светланы Валерьевны С.

Огород наполнен живностью — утками, курами. Без хозяйства выжить нельзя.

29 января 2015 года в огород прилетела мина. Дом цел, но крыша пострадала сильно.

Светлана живёт со своим сыном. Ни на что не жалуется.

Но крыша такая во всём доме. Они так и живут под ней. Местами дыры и видно небо.

— А если дождь?

Смеётся.

— Пакетами и плёнкой накрываем всё. Но это полбеды. Вот холода начнутся — топи, не топи...

Пока мы были у Светланы, наш водитель Сергей разболтался на улице с прохожим. Оказалось, что в его дом попали четыре снаряда, и живут они прямо напротив в пристройке всей семьей.

Мы заходим к ним, во дворе коляска с малышом, привязан пёс. Обычная жизнь.

Только вот дома нет у Пономоренко Валерия Павловича.

— Бать, а ты им дом покажи внутри.

У его дочери пухлые щёки. Она всё время хохотала и смеялась, как ребёнок.

Сама не так давно стала мамой.

— У нас в прошлом году был сделан евроремонт. Видите? Выключатель новый только поставили...

Не вижу. Выключателя и нет. На полу остатки валяются...

У ворот к нам подошла женщина.

— У меня тоже дом разбит. Пять снарядов попало.

Мы пошли за ней. Вижу сбоку: она идёт твёрдым шагом, а руками смахивает слёзы. Мы подходим к пустынному месту, где только железный забор, за которым нет ничего. По-

середине останки печки. А вокруг только трава и сорняки. Женщина открывает калитку:

— Вот, заходите ко мне в гости.

Голос такой же твёрдый, как и шаг.

— Живу у дочки рядом... Я у неё в подвале была, когда снаряды прилетели...

Дочка — инвалид второй группы. Делали две операции на сердце. Дочке 53 года — детей нет.

— Всё сгорело — собака, куры, две кошки...

Ольга Григорьевна К. У неё целый букет болезней, начиная от сахарного диабета в тяжёлой форме, заканчивая хроническим бронхитом, пиелонефритом и др. Я не успела даже всё записать. У неё глаза косят в разные стороны, и не непонятно, на что она смотрит — на тебя или куда-то ещё.

— Какую болезнь ни скажи — моя.

Живёт одна. Дом пострадал, но цел, и в нём можно жить.

Пока мы раскладывали еду, подошёл крупный мужик. Он был одет в камуфляж.

— Это мой сын, на денёк приехал. Сына, занесёшь продукты?

— Ты чо, сама не можешь? — здоровый лоб развернулся и ушёл.

Я пытаюсь как-то остановить его.

— Вы в ополчении?

— Вот задолбали! Да это просто камуфляж, причём тут ополчение? Слепые, что ли?

Ольге Григорьевне стало невозможно стыдно перед нами. А нам стало невозможно стыдно за него... Маленькая, болезненная, еле семящая по двору женщина. Она его ласково звала «сына».

Дома у неё везде следы ещё от зимней бомбежки.

По двору Валентины Николаевны Г. бегают двое внуков — мальчишка и девчонка. Они сейчас живут вместе с

бабушкой и прабабушкой на улице Полевой. Эта улица пережила самые сильные бои в Дебальцево.

Их дом пострадал не очень сильно. Хотя туалет полностью снесло и почти всю пристройку разворотило, крыша над головой всё-таки есть.

— Мы с мамой зимой одни на нашей улице были во время обстрелов. Всю бомбежку пережили.

Валентина Николаевна улыбается, всё время улыбается.

— Маме плохо было. Она на кровати лежала. А я в дверном проёме с подушкой на голове сидела.

Вокруг нас бегала мелкая собака — Малыш. Бегала и лаяла, бегала и лаяла. Дети носились по двору с верёвочками и с интересом смотрели на нас.

— Ребят, а давайте я вас покормлю, не уходите!

— Ну что вы, нам ехать надо.

— Понимаю. Видите, как у нас тут. Но ничего, мы вот крышу сделали...

Постояв ещё минут 15, мы выяснили, что у неё меланома. Рак кожи. Она сделала уже две химиотерапии. Необходимо пройти третью. Но на неё денег не хватило.

— Крышу надо было делать. Жить зимой как-то надо было после всего...

А она нас кушать зовёт. С пустыми руками в итоге не отпустила — налила бутылку колодезной воды...

Крыша или третья химия...

Заключение

*«Изнанка жизни»
22 сентября 2015 года
Дневник*

Я вернулась в Москву.

И понимаю, что не могу здесь находиться.

Мне не хочется брать трубку. Мне не хочется вообще ничего.

И дело не в усталости и бешеном ритме. Десятки людей, семей, домов, городов.

На самом деле давно поняла это чувство. Это жуткая горечь.

Очень хорошо помню, когда зимой вернулась из Первомайска. Его тогда бомбили со всех сторон. Решетили — более точное слово. И мы постоянно слышали приходы снарядов. Разрушенные до основания подъезды, запорошённые снегом, и повсюду люди с автоматами. Я вернулась в Москву, и в этом мире, да, именно так — в «этом» мире всё было по-другому. Я не могла осознать эту границу и разницу. Вот я в мире, где дети живут в бомбоубежище и старушки полгода боятся выйти на улицу. И вот я в мире, где евро в 100 рублей и самая большая проблема — плохой сыр.

Словно ты пересекаешь какую-то черту. Но ушёл не совсем.

Я осталась посередине. Ни там и ни здесь.

Не на Донбассе и не в Москве.

В последнюю поездку с Олей Ищенко, и. о. мэра Первомайска, развозили старушкам и одиноким мамам продук-

товые наборы, я видела её слёзы. Она не показывала их, но я видела, как она украдкой вытирала глаза. А ведь это её мужа убили, и она жила в осажденном городе всё это время. И знает лучше меня, что такое жизнь.

Я видела, как наш водитель и помощник Сергей обалдел, когда в Дебальцево увидел бабушку, дом которой разбили до фундамента. Остались лишь кирпичи и кусок печки. И она живёт в разрушенном сарае рядом, боится стеснять детей: «Они же вчетвером ютятся в однокомнатной квартире». Старушка семенила по сгоревшим развалинам и показывала найденные уцелевшие чашечки и вилки. Сергей был шоке, хотя сам месяц провёл по подвалам, когда в августе 2014-го бомбили Луганск.

Новый мир другой. И в моем старом мире не было ничего похожего. Я люблю нырять под воду в моноласте, гонять на лыжах по горам и выслеживать бегемотов по утрам в Африке.

Оглядываюсь и понимаю, что дело не в войне, хотя и в ней тоже.

Я стала невольным посетителем другой стороны, увидела изнанку.

Здесь дети бросают своих стариков умирать в хосписах и домах престарелых. Не звонят родителям, чей город в осаде.

Это мир, в котором родители бросают своих детей.

Где родственники ненавидят друг друга.

Где друзья предают.

Где люди готовы на убийство из-за мелочей.

Где соседи разворовывают квартиры, а потом врут и жалуются на жизнь.

Где один шаг до зверств, в которые невозможно поверить.

Где подонки наживаются на горе других людей.

Где самые потаённые кошмары и ужасы — реальность, которую нельзя придумать, но она уже есть.

Где хорошее спрятано так глубоко, что его надо тормозить, будить, бить в набат.

А мы всего этого не видим. Не хотим видеть и знать.

Мы живём в параллельной реальности.

И да, я знаю, что хороших людей много.

Неравнодушных, отзывчивых.

Кто живёт и, не зная русского языка, хочет помочь больной диабетом девочке спасти глаза.

Кто тушит пожар у соседей, рискуя своей жизнью. Кто стирает пелёнки умирающего в хосписе. Кто на скорой помощи под обстрелами спасает жизни. Кто бросает всё и помогает.

Жизнь продолжается.

Я знаю.

Зачем эту боль впускать в свой мир? Что эта боль изменит?

Что даст знание ужасов и обратной стороны человеческой природы?

Вроде и так всё давно известно и описано?

Я приезжаю домой, и мне сложно воспринимать человека, как раньше. Верить в него.

«Война – это гадко». Абсолютно пустые слова.

Война и есть самая суть человека. Логический итог возвращенного внутреннего гадёныша, который есть в каждом, и который щедро вскармливается нами. Жизнь и есть борьба с ним, со своим гадёнышем.

Война начинается не со стрельбы и убийств, а с пересудов на кухне, разрывания рубашек на груди. С гнусных комментариев к видео, где умирает живой человек. С брошенных детей и родителей. С тысячи обстоятельств, которыми мы себя оправдываем. С воровства подгузников у лежачих и брошенных стариков. Война начинается с того, что многие забывают, что здесь люди. Тоже люди.

Война – это самая суть человека. Страшная и неприглядная. В которую жутко заглянуть. Потому что она бесконечна. Бездонна. Быть против войны – невозможно.

Первомайск. Могила в городе. Весна 2015 г.

Евдокия Шереметьева

ЗДЕСЬ ЛЮДИ

Дневник

Редактор *С. Опалев*
Художник *И. Борозин*
Художественный редактор *А. Балашова*
Компьютерная верстка *Е. Коломенская*

Отдельное спасибо за работу над подготовкой книги
М. Савицкой, Е. Дроздовой, О. Копыт

Подписано в печать 15.05.2018.
Формат 60x84/16. Объем 10 п. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 626.

Издательство «Прометей»
115035 Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1, офис 6
Тел./факс: +7 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

ISBN 978-5-907003-46-0

9 785907 003460

«Честная и страшная книга.
Документальная правда о невыносимой
войне. То, что увидено своими глазами
и пропущено сквозь сердце. Правда,
которая, стань она слышнее, единственная
может остановить кровь.»

Сергей Шаргунов, писатель

Евдокия Шереметьева имеет завидное литературно-генеалогическое древо, её дедushка — племянник Книппер-Чеховой, бабушка — драматург Алла Борозина, однако, в литераторы Евдокия не собиралась. Она закончила философский факультет МГУ и аспирантуру, преподавала философию в вузах, получила кмс по самбо и жила вполне себе гламурной жизнью, пока на Донбассе не началась война и не затянула её в свою воронку. В этой книге Евдокия рассказывает об адресатах гуманитарной помощи, к которым ездит, рискуя жизнью, поддерживая их едой, лекарствами. Оставляя в Москве маленькую дочь, Евдокия стала человеком войны, в том смысле, что возит на Донбасс мир, и даёт своей книгой увидеть нам тех самых заложников, которых бросили все, кроме гуманитарщиков. Она описывает конкретные судьбы и подключает к спасению заложников Донбасса сотни людей со всего мира. Очень важно, чтобы эта книга вышла как можно большим тиражом и пробила броню непонимания, потому что «здесь люди».

Мария Арбатова, писательница